

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

5 (249) •
май 2019

ТЕМА

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

стр. 4

КУДА Я ВЕРНУСЬ?

стр. 2

ЭТО ЖИЗНЬ МИРА, ЭТО
ТВОЯ, ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ,
ЭТО БЕССМЕРТИЕ ТВОЁ!

стр. 4

САМОЕ ПЕЧАЛЬНОЕ,
ЧТО НАРОД
НЕ СЛЫШИТ АНАФОРУ

стр. 8

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
XIII Научно-богословская конференция

13.05–15.05, Москва – Подмосковье

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ: СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ И ЕЁ УСТРОЙСТВО

Свято-Филаретовский институт продолжает серию научно-богословских конференций, посвящённых православной экклезиологии. На конференции 2017 года обсуждались церковная рецепция евхаристической экклезиологии протопресвитера Николая Афанасьева, а также современные трактовки значения Евхаристии в формировании и жизни церковного собрания. Состоявшийся разговор выявил ряд проблем, связанных с пониманием самой природы Церкви и её границ, что стало темой майской конференции 2018 года, которая, в свою очередь, выявила новые вопросы о взаимосвязи устройства Церкви и её служения.

Соотношение призвания Церкви и её устройства остаётся недостаточно осмысленным. Особенно страдает тема частого несоответствия исторического бытия Церкви евангельской норме, где среди прочего остро стоит вопрос о причинах редукции харизматического начала в пользу доминирующего на сегодняшний день начала институционального. В недостаточную разработанность этих аспектов экклезиологической теории часто упираются возможности практического осуществления христианами своей ответственности за весь мир в современных реалиях, в условиях доминирования секулярных принципов устройства социальной жизни как в национальном, так и в международном масштабе.

ОРГКОМИТЕТ:

Тел.: +7 (495) 623-03-80

+7 (968) 937-34-64 Алина Патракова

+7 (965) 297-92-07 Анна Сафронова

E-mail: conference@sfi.ru

Содержание

МАЙ 2019

~ Новость номера

Куда я вернусь? | 2

~ Интервью

Святые Воткинского восстания | 6

Данте подсказал | 22

~ Тема номера

Это Жизнь мира, это твоя, человек, жизнь, это бессмертие твоё! | 4

~ Живое предание

«Разве с такими людьми нельзя дела сделать!..» | 11

Братский помянник | 21

~ Русские беседы

Правда или порядок? | 14

~ Открытая встреча

Надо идти дальше | 25

~ Письма читателей

Торжество Православия в XXI веке | 29

~ Церковь и культура

И всё-таки они люди | 31

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 23 апреля 2019 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 30 апреля 2019 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11 (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Явление ангела жёнам-мироносицам. Иконостас Кирилло-Белозерского монастыря, XV в.

На четвёртой странице обложки: Мученики Калиник и Татиана, Агафоник Никомидийский, Мина патриарх Константинопольский и неизвестные святые. Сербия, монастырь Грачаница. Фрагмент росписи северной стены. XIV в.

Куда я вернусь?

13–14 апреля в музее-заповеднике В.Д. Поленова (Тульская область) прошла Международная научно-практическая конференция, призывающая всех, кто добровольно или вынужденно покинул нашу страну, помочь её возрождению

С участниками конференции беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Александр Волков

Устроители конференции, среди которых были музей В.Д. Поленова, Культурно-просветительский фонд «Преображение» и Российское дворянское собрание, Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, СФИ и Фило-софский факультет МГУ, приглашали её участников обсудить последствия самого значительного в истории Европы нового времени разрыва внутри национальной элиты. Два дня философы и историки, публицисты и богословы, наследники знатнейших фамилий дореволюционной России и её крестьянского большинства, потомки представителей первой русской эмиграции и тех, кто остался в России, стремились наметить возможные пути преодоления последствий этой трагедии.

Открывая конференцию, **СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ** призвал «не мстительно, но справедливо» говорить о том, что нам делать сейчас, когда прошло сто лет со дня начала русского Холокоста.

Истории семей, чьи ветви оказывались по разные стороны почти непреодолимого железного занавеса, истории тех, кто оказался на несколько поколений оторван от родины, была посвящена выставка уникальных архивных фотографий и документов. Подробный рассказ и об этой выставке, и о самой конференции ещё впереди. Пока же мы решили в этой краткой новости

ограничиться ответами нескольких её участников на два вопроса, первый из которых касался личного отношения к теме конференции.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ОСОРГИНА, правнучка последнего губернатора Тульской губернии Михаила Михайловича Осоргина, внучка погибшего на Соловках Георгия Михайловича Осоргина: Я уже почти вернулась. Но всё-таки не могу определиться, потому что здесь, конечно, другая Россия, со своими, уже какими-то другими уставами. Трудно ответить очень кратко, это долгое размышление: куда я вернусь? Я себе каждый день задаю этот вопрос...

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КУБЛАНОВСКИЙ, поэт, научный сотрудник Музея-заповедника В.Д. Поленова: Я восемь лет прожил в эмиграции и вернулся только благодаря тому, что социалистический режим затрещал по всем швам. И с тех пор, как вернулся (кстати, десять лет потом не выезжал на Запад), я продолжаю носить в своей душе дружбу с первой и второй эмигрантской волной; это были самые близкие мне люди. Я за-

стал ещё ту, старую Россию. Это была другая человеческая порода. Другая у них была даже внешность. Как верно говорил Бердяев, уже через несколько месяцев после революции антропологически изменился облик насельников России. И я ещё застал там тех, кто носил дореволюционный облик. Поэтому для меня такая конференция очень много значит. Это и лишний повод вспомнить своих старших друзей по эмиграции, вспомнить историю христианского движения (а «Вестник РХД» был главный журнал, в котором я печатался ещё когда жил в СССР, и я до сих пор являюсь членом его редколлегии). То есть это всё — моё; это моя тема, моя душа.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОЛКОВ, доктор исторических наук, руководитель Биографического института Университета Дмитрия Пожарского: Для меня эта тема означает проблему правопреемства. Чем является РФ по отношению к исторической России, в каком состоянии находится процесс приближения или, наоборот, отдаления от неё? Куда мы возвращаемся — в Советский Союз или в историческую Россию?

Вы в своих исследованиях говорите о том, что русская элита фактически была уничтожена, её не осталось как значимого социального слоя. Как Вам кажется, та часть элиты, которая

оказалась в эмиграции, могла бы каким-то образом это восполнить?

В своё время могла бы, если бы это было полвека, даже лет сорок назад. Сейчас уже, думаю, — нет, потому что она практически исчезла, растворилась, ассимилировалась; ведь большинство браков заключалось с местными жителями. К началу 2000-х годов вымерло второе поколение первой эмиграции, которое ещё что-то помнило. Да, есть отдельные люди, хранящие эту память, но это не слои, это не то, что было ещё несколько десятилетий назад.

В чём же надежда?

Надежда в том, что рано или поздно придёт новое поколение, которое качественно отличается от нас.

ГЕОРГИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ МАЛЬКО, председатель Организации российских юных разведчиков во Франции: В Париже я никогда не чувствовал себя дома. Я всегда чувствовал себя не эмигрантом, а изгнанником, постоянно думающим о том, как вернуться сюда — вернуться домой. Мы третье поколение, мои дети — четвёртое. Мои дедушки служили, мой отец служил, мы служим, и дети будут служить дальше нашему общему дому.

Второй вопрос касался итогов первого дня конференции (второму дню мы надеемся посвятить подробный материал в ближайших номерах).

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СЛУЧЕВСКИЙ, правнук Петра Аркадьевича Столыпина: Я считаю, что первый день конференции был очень удачным, потому что люди уже привыкают

обсуждать эту тему, и мы сейчас не теряем много времени на пафос. Есть конкретика, и даже если мы обсуждаем какие-то теоретические вопросы, они обсуждаются в очень понятном виде, без лишних эмоций. Это для меня самое главное — то, что нет некой помпезности, и я слышу всё больше и больше призывов к конкретным действиям, а не просто разговоров. Вот главное из того, что я считаю удачным.

ОЛЕГ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЩЕРБАЧЁВ, предводитель Российского дворянского собрания: Первый день, безусловно, удался. Единственная проблема (общая для всех конференций) — очень не хватает времени, особенно на дискуссии. Хотя, конечно, люди общались и за трапезами, и во время открытия выставки. Это общение — может быть, вообще важнейшее из того, что происходит на конференции. Многие узнали друг друга и узнали, что мыслят очень схоже.

Все участники конференции согласились с основными мыслями рабочего текста её

ИТОГОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ: «Одним из последствий катастрофы 1917 года стал массовый исход из России представителей русского народа, принадлежавших к его культурной, интеллектуальной элите. Трагический разлом, расколовший русское общество 100 лет назад, не преодолен и по сей день, не осознан как национальная трагедия. Подводя итоги столетнего рассеяния, хочется выразить слова благодарности тем, кто берёт для России её традиции, культуру, язык; тем, кто сохранил в себе лучшие черты русского народа, его историческую память; тем, кто нёс миру правду о большевизме как о человеконенавистнической, антинациональной и антихристианской идеологии.

Для того чтобы раскол был преодолен,

чтобы исторические раны были исцелены, необходима полная и последовательная декоммунизация российского общества и сознания, всех сфер нашей жизни, включая топонимику, символику, язык; нужна трезвая и правдивая оценка истории XX века, осуждение преступлений советского режима и сердечное покаяние церкви и всех народов нашей страны за причастность (пусть нередко и невольную) к тому злу, что имело место в нашей жизни.

Чтобы когда-нибудь русская земля снова стала отсветом рая, каждому из нас нужно сегодня начать с самого себя, возвращая истинную Россию в себе и восстанавливая её вокруг себя. Каждый из нас может что-то делать на своём месте.

Возвращение русских изгнанников на родину остро необходимо нашему отечеству, потому что оно меняет атмосферу в стране, даёт пример иного уклада жизни, расширяет полюс свободы, помогает восстановить преемственность с нашим историческим прошлым. Пришло время нам вместе выходить «из-под глыб» и вместе работать над будущим России.

Пространством нашего единения и совместного действия мог бы стать Форум национального и церковного возрождения «Имеющие надежду» <https://pokayanie1917.ru>

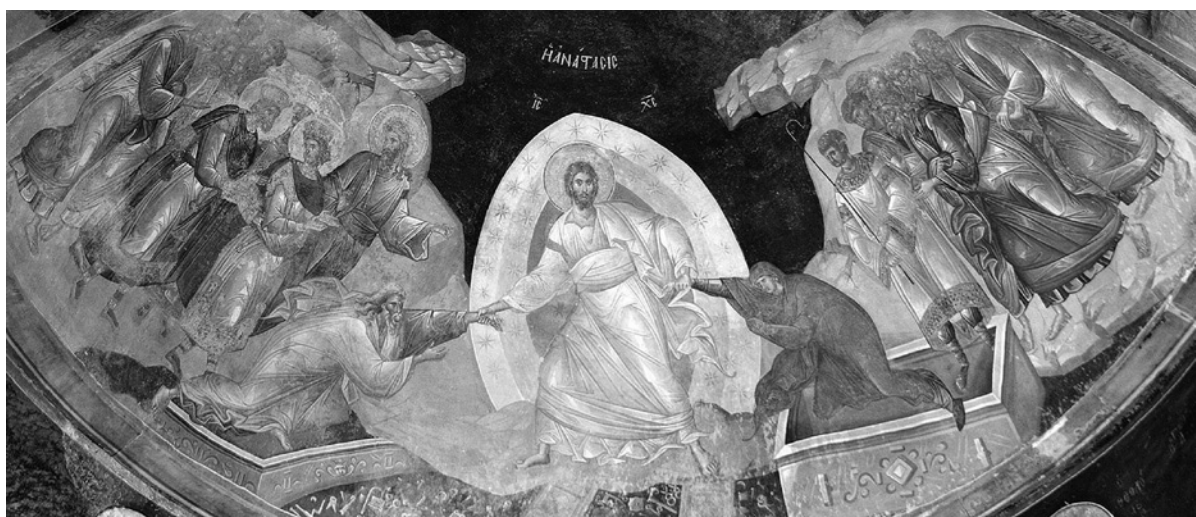
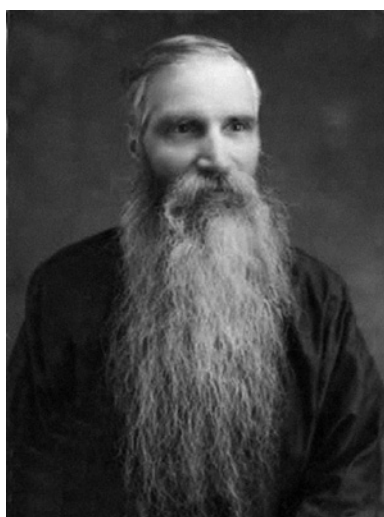
Мы полагаем, что главные усилия сегодня следует направить на дело духовного и культурного просвещения, на то, чтобы вернуть сохранённую за рубежом Россию нашим соотечественникам, в первую очередь молодому поколению.

Зарубежная Россия повсеместно ежегодно отмечала свои памятные дни. Необходимость сохранения памяти о трагической истории России в XX веке может быть воплощена в личной и общественной инициативе по установлению этих памятных дат, в дополнение к Дню памяти жертв советских репрессий, который отмечается 30 октября и, возможно, Дню русской скорби 7 ноября.

Надеемся, что Международная конференция «Куда я вернусь?» станет традиционной и продолжит свою работу в 2020 году, став одним из звеньев в ряду событий, посвящённых 100-летию Русского исхода». **КФ**

Это Жизнь мира, это твоя, человек, жизнь, это бессмертие твоё!

Фрагменты проповедей исповедника веры
архимандрита Тавриона (Батозского)
на Пасху (29 апреля) и 1 мая 1973 года¹

Воскресение Твоё, Христе Спасе, Ангелы поют на небесах, и нас на земле сподоби чистым сердцем Тебя славить

Величайшая тайна Божественной жизни, истинный приход Христа-Спасителя и величайшая радость тайны в том, что мы – дети Божьи...

Мы собрались в Церкви Божьей. Какие благодатные обстоятельства! Начали мы прославлять Господа пением: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Вот для чего мы приходим в церковь Божью – чтобы быть чистыми и

всегда славить Бога. Вот вы слышите Евангельские слова. Священной песней Церковь прославляет величайшее торжество. Теперь вы перед величайшими минутами того, что вы услышите: «Твоя от Твоих... о всех и за вся». Что это? Это Жизнь мира, это твоя, человек, жизнь, это красота твоя, это бессмертие твоё, это Бог соединяет нас с Собой. Берёт на себя всё и раскрывает величайшее милосердие, и делает тебя сотрудником Своим в деле спасения человечества...

¹ Фрагменты взяты из нового, самого полного собрания проповедей о. Тавриона (в том числе недавно

расшифрованных): Хорошо бежать за Христом гонимым : Проповеди 1972–1978 годов. М. : СФИ, 2019.

*Не станет Чаши –
не станет мира, не
станете участниками
Чаши Христовой –
пустота, и нашего
бессмертия не будет.*

Тайная вечеря.
Икона из монастыря Ватопед (Афон). XIII в.

Смотри, человек живёт. Сколько он создал для себя неправды, сколько висит на нём трудностей, сколько трудностей в деле несения своего подвига, в своём личном или ином другом призвании. Человеку предстоит старость, болезнь, агония смерти – и это конец. Вот и сопоставь с теми словами, которыми Спаситель призывает нас. Церковь, совершая послушание своему Спасителю, исполняет Его послушание в том, что «творите в Моё воспоминание», и говорит в ответ: «Твоя от Твоих... о всех и за вся». Какие мы счастливые! За нас приносится величайшая жертва. Теперь мы – прекрасные, добрые, почтительные. Господь почтил нас всех, чтоб быть сотрудниками Ему в деле спасения человека и мира. Он сказал: «Вы – свет мира» (Мф 5:14). Разве не Он сказал: «Будьте совершенны так, как Отец Небесный совершенен ваш» (Мф 5:48)? Тогда мы люди, когда выполняем волю Отца Небесного. Какие драгоценные, могущественные слова! «Будьте совершенны так, как Отец Небесный совершенен». Вот, человек, твоё призвание. Покопайся в самом себе, теперь ты грамотный, раскрой Евангелие, дай своему уму немного поработать. Пусть Евангелие просветит твой разум, пусть Евангелие укрепит твою волю, и ты будешь славить Бога: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить»...

Вы сами знаете, в каких условиях сейчас живёт мир и человечество. Оно может в один момент по нечаянности взорваться. И пусть; какие бы ни были мудрецы или злоумышленники, ничего они не смогут миру сделать. А кто же мир хранит?

Чаша Христова хранит. Вот сами поймите, как вы должны благоговеть, как вы должны радостно быть причастниками той силы, которая есть цена всего мира. «Я дам её (Чашу) за жизнь всего мира» (Ин 6:51).

Это Чаша любви Божьей. «Пийте от Меня вси, сия есть Кровь Нового Завета». Что значит Нового Завета? А то – новый договор с вами во оставление грехов. Господь даёт Тело и Кровь для чего? Чтоб заключить с нами Новый Завет и дать нам отпущение наших грехов. Вот что значит Чаша. Это реальная действительность жизни, ради которой существует весь мир и будет существовать. Не станет Чаши – не станет мира, не станете участниками Чаши Христовой – пустота, и нашего бессмертия не будет. Спаситель сказал: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имеет жизнь вечную, и воскрешу его в последний день» (Ин 6:54). Эти слова Евангелия на престоле лежат. Для чего пришёл Спаситель? Это все мы узнаем, это правда. Умирать будем, увидим свою жизнь, всю цену своей жизни и цену всего мира, и всё увидим мы прекрасно. Не думайте, что Господь будет устрашать грехами, нет. Мир увидит самого себя, какой он есть, и все мы друг друга увидим, и что из себя представляем. Думаете, Господь оставил нас на произвол и не проявляет интерес к нам, и нет тех средств, которыми нас пробудить?

Всё Он проявляет, всех нас любит, обо всех беспокоится, все средства даёт человеку. Человек, пробудись! Пробудись человек, Я тебя люблю! Так вот, миленькие, грамотные, будем читать и всякое времечко, когда у вас есть возможность, употреблять на то, чтоб выйти к Чаше Христовой. **КФ**

Святые Воткинского восстания

Интервью с митрополитом Ижевским и Удмуртским Викториним

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная. Фото: Анастасия Наконечная

Приезжаешь в приход: батюшка хозяин полный, а люди сторонние. Вот это сейчас надо менять, и я этим и занимаюсь. Думаю, что многие архиереи со мной согласятся. Конечно, мы сами свободу немножко будем терять, но надо возродить приходские общины. Для того нас сейчас и много, чтобы мы даже на приходских собраниях присутствовали.

В этом году темой Рождественских чтений были свобода и ответственность. В первую очередь разговор об этом шёл в связи с молодёжью. Наши читатели много думают о том, как помочь молодёжи по-настоящему воцерковиться. Как воспитывать её именно в свободе во Христе, а не в произволе?

Прежде всего хотелось бы сказать, что, наверное, той свободы, которой сейчас пользуется Русская православная церковь, у неё никогда не было. Знаю мнение других владык: многие так считают. Главное – как этой свободой воспользоваться. Ведь свободы без ответственности нет, так же как и ответственности нет без свободы. Ответственность должна быть свободной.

Как помочь молодёжи – это, наверное, вечный вопрос. Во все времена говорят: вот, мол, в наше время было не так, в наше время молодёжь была другая. Неправда. В каждое время молодёжь стремилась к свободе. И как их обуздать? Да никак, никак, надо продолжать жить и своим примером молодёжь воспитывать. Я всегда своим батюшкам

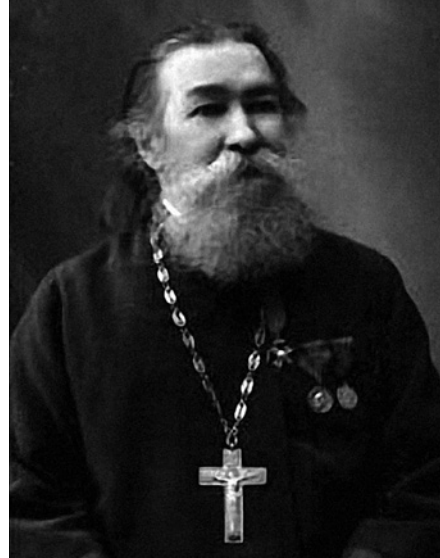
говорю: если не будет своего примера, то мы никого нормально не воспитаем. Это очень важно – быть всегда примером. И молодёжь будет учиться.

Я хоть и митрополит, и сейчас монах, но раньше у меня была семья. Я воспитывал детей и никогда ни к чему их не принуждал. Принуждение не даст ничего, только свой пример. Только если сам встаёшь утром на молитву, вот тогда смотришь, что и дети начинают молиться. Когда я первый раз нашёл у дочери под подушкой молитвослов, я понял: вот это победа. Она открыла эту дорогу, дорогу к Богу – это самое главное. А без дороги к Богу свободы никакой нет и ответственности никакой не будет.

Такое принятие свободной ответственности за церковь часто связано с возрождением общинной жизни; недавно на пресс-конференции о. Николай Балашов говорил, что, скажем, в тяжёлых условиях, в которых сейчас оказалась Украинская православная церковь, происходит возрождение ответственности мирян, люди фиксируют своё членство в приходе, чтобы поддерживать священников, чтобы отстаивать храмы...

Члены союза фронтовиков Ижевска

Удмуртские новомученики протоиерей Николай Чернышёв и его дочь Варвара Чернышёва

Да, это очень важно. Когда после 1988 года мы обрели свободу и пошли в Минюст регистрировать приходы, мы их регистрировали фактически без прихожан. И сейчас я как правящий архиерей понимаю, какую мы ошибку сделали. Прихожане не знают, что они являются учредительным собранием; что собрание прихода – это законодательное собрание, а приходской совет – это исполнительный орган. И об этом сейчас приходится говорить: как вы решите на собрании, так и будет; вы хозяева храма. Чтобы, не дай Бог, коснись такое, как на Украине, прихожане всегда смогли отстоять храм; чтоб они чувствовали себя хозяевами, а не были сторонними людьми, что мы часто сейчас и наблюдаем. Приезжаешь в приход: батюшка хозяин полный, а люди сторонние. Бывают и неприятности, и нестроения на приходе из-за того, что священник решает всё единолично, без церковного народа. Вот это сейчас надо менять, и я этим и занимаюсь.

Я думаю, что многие архиереи со мной согласятся. Конечно, мы сами свободу немножко будем терять, но надо возрождать приходские общины. Для того нас сейчас и много, чтобы мы даже на приходских собраниях присутствовали. Вот я езжу иногда на приходские собрания и получаю от этого удовлетворение. Я вижу все вопросы, которые «снизу» поднимаются, а не те, которые мне батюшка в хорошей упаковочке принёс и на стол положил, отчитываясь о своей деятельности. Я очень благодарен Святейшему патриарху за то, что у нас сейчас такое количество архиереев. Иногда говорят: вот, мол, расплодили такую большую администрацию. Так это хорошо! Только она должна работать, и архиерей должен бывать на приходах и участвовать в приходских собраниях.

¹ Ижевско-Воткинское восстание – вооружённое выступление под руководством организации «Союз фронтовиков» против большевиков (август – ноябрь 1918 года). В момент наивысшего подъёма восстание охватывало территорию с населением более 1 миллиона человек (большую часть современной

Владыка, традиционная тема нашего издания – почитание памяти новомучеников и исповедников. Во всех епархиях в последнее время это особенно вспоминалось в связи со столетием событий 1917 года и Гражданской войны.

Удмуртии как республики не было до 1920 года. Её собрали из разных регионов – из Пермской и Вятской губерний, вошла в неё и часть Татарстана. И в этой молодой республике не было своих почитаемых святых. Мощи первых удмуртских святых мы обрели в прошедшем 2018 году в городе Воткинске. Сто лет назад там было восстание рабочих¹, и возглавил его батюшка (он был их духовным руководителем). Через несколько месяцев восстание потерпело поражение. Когда многие рабочие, опасаясь красного террора, перешли Каму и ушли к Колчаку, спасая себя, батюшка остался с паствой, и дочка его осталась с ним. Их расстреляли. Мы нашли их захороненными в одном гробу. Теперь мы делаем в Благовещенском соборе Воткинска, там, где он служил, раку, обустроим всё, чтобы люди могли им поклониться.

Еще мы строим уже не первый год на деньги оружейников часовню-памятник в честь вмц. Екатерины. Ведь ижевские оружейные заводы обязаны своим существованием Екатерине II. И у них Екатеринин день был как бы днём города; они не работали в этот день, устраивались ярмарки, и даже ярмарки эти назывались Екатерининскими. А храма Екатерининского не было, были только приделы во всех больших городских соборах – что в Ижевске, что в Воткинске. А мы вот решили построить храм на берегу пруда, напротив проходной. Ведь память о том, что было прежде, тоже важно восстанавливать.

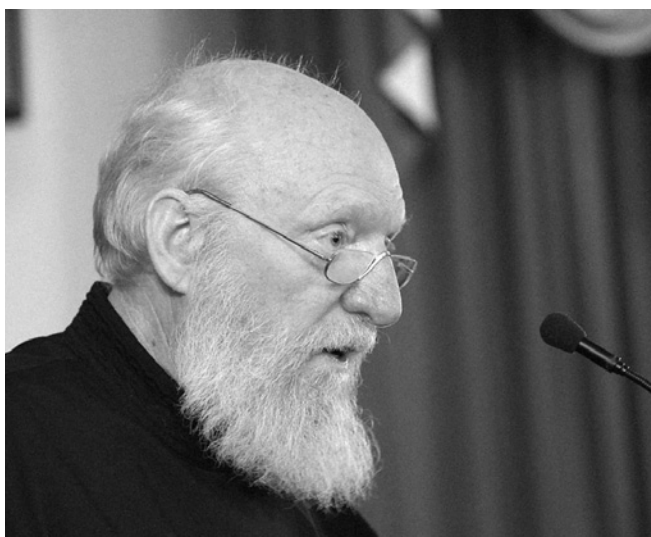
КФ

Удмуртии), а численность повстанческой армии достигала 25 тыс. человек. Отличительной чертой восстания было активное участие в нём рабочих Ижевска и Воткинска. В конце августа восстали также крестьяне многих населённых пунктов Сарапульского, Глазовского и Малмыжского уездов.

Самое печальное, что народ не слышит анафору

Интервью с дьяконом Василием (Карлом Христианом) Фельми,
профессором богословия, почетным доктором
Московской духовной академии

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Дьякон Василий Фельми

Что близко Вам в экклезиологической тематике?

Эта тематика занимает меня всю жизнь. Мои первые статьи были связаны с экклезиологией о. Николая Афанасьева; занимался я и экклезиологией о. Александра Шмемана. И ещё я всегда очень уважал о. Сергия Булгакова. По-моему, он был гениальным богословом, но ему не хватало богословской эрудиции в классическом общепринятом смысле и это часто вело к недо-разумениям и нападкам. У него много идей, больше, чем у других, хотя они иногда очень спорные. Тем не менее я ценю его роль в православном богословии, особенно в связи с учением о кеносисе. Я был в восторге, когда читал его статью, посвящённую этой проблеме. Потом в немецком богословском журнале я читал критику этой статьи: она мне казалась недоброжелательной и придиричливой.

Мне кажется, в том-то всё и дело, что православную суть его учения могли часто не опознать именно из-за того, что терминология отталкивала, а суть люди не чувствовали, не проникали в неё.

Да, именно так.

Как Вам кажется, какие положения современной экклезиологии особенно нуждаются в рецепции церковного народа? Я знаю, что Вы всегда говорите: нужно стараться людям объяснить на внятном языке истину Православия. Что сегодня, на Ваш взгляд, особенно нуждается в том, чтобы быть воспринятым той частью церковного народа, которая не имеет богословского образования?

Я не понимаю, почему в большинстве случаев евхаристическую молитву не читают вслух. Этот отрыв народа от священников не имеет никакой причины. Это особенно относится к анафоре, но и к другим так называемым тайным молитвам, настолько важным. Когда, например, наш священник произносит молитву входа: «Пусть с нашим входом войдут и ангелы...», он это не говорит так громко, что все её понимают, но я как дьякон слышу эти слова. Тогда я всегда сожалею, что только я, а не весь народ понимает эту дивную молитву.

Как я уже сказал: самое печальное, что народ не слышит анафору. Я думаю, если бы студенты изучали особенно богатую анафору свт. Василия Великого, это было бы для них более полезно, чем целая лекция по догматике. **КФ**

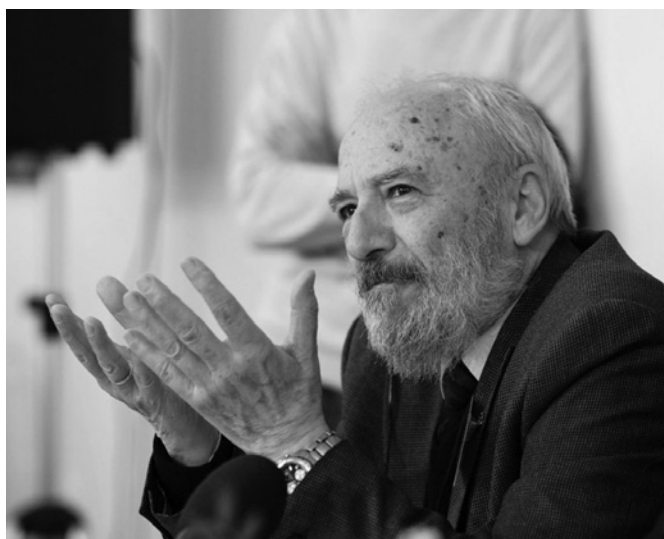
Греческие братства породила русская богословская мысль

Интервью с профессором Петросом Василиадисом,
доктором богословия, почётным профессором Университета
имени Аристотеля в Салониках (Фессалоники, Греция)

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина

Соборность мыслится сейчас как нечто, объединяющее клириков и мало включающее в себя мирян. Когда мы начинаем обсуждать этот вопрос, встают проблемы членства в Церкви, её границ, ответственности мирян. Как обсуждается этот вопрос в практической плоскости в Элладской церкви: каковы критерии членства в приходах, границы братств?

В Церкви Греции и всех балканских церквях (Болгарской, Румынской и Сербской) под влиянием богословия русской эмиграции с начала XX века, т. е. сто лет назад, стали появляться братства. Они многое дали для возрождения церковной жизни. Однако постепенно многие братства стали ассоциироваться с теми или иными политическими или идеологическими взглядами и таким образом утратили свою чисто церковную природу. В настоящее время все формы братств привязаны либо к епархиям, либо к приходам. Они действуют практически независимо, при этом не выступая против позиции официальной церкви. Дело в том, что раньше некоторые братства пытались подорвать положение епископов. Они начинали как мирянские движения, но потом у них появилось желание захватить власть в церкви, и ради этого они примкнули к политическим силам, осуществившим военный переворот в Греции. Этим они полностью себя дискредитировали и с тех пор уже перестали быть такими большими и активными братствами, которые мы знали до Второй мировой войны. Ведь задачи братств лежали в области

Профессор Петрос Василиадис

освобождения и обновления. Но как только они отождествили себя с политикой и идеологией, они тут же потеряли доверие людей.

Мы знаем, что в Греции и сегодня есть живые братства, имеющие в церкви авторитет.

Да, эти братства помогают в миссионерской деятельности Церкви Греции в Африке, в Азии – везде. Они не привязаны к какой-то конкретной епархии или епархиальным структурам, но, например, здесь, в Салониках, действуют с благословения местного епископа и считаются важным элементом пастырской деятельности местных церквей. Так что они существуют, и даже те братства, которые были очень известны и влиятельны раньше, как братство «Зои» («Жизнь»), по-прежнему действуют, но делают это в сотрудничестве с местными епископами, сохраняя при этом свою независимость. Это потре-

Секуляризация в греческом обществе настолько велика, что постепенно мы теряем связь с молодым поколением. И это вина церкви.

бывало определенных уступок и со стороны братств, и со стороны иерархии, но теперь они могут действовать совместно, помогая, а не противопоставляя себя друг другу.

Одним из важных поворотных моментов в жизни братств стало обращение к монашеской традиции и помощь в деле оживления жизни монастырей на Афоне. В 1960-е годы многие члены братств принимали монашество и самые прогрессивные, самые образованные из них становились настоятелями монастырей, которые в то время испытывали большие трудности и были на грани исчезновения. Поначалу деятельность братств часто вызывала неприятие и даже сомнение в подлинности их православия (к ним относились как к протестантам и даже сектантам). В ответ на критику они пытались доказать, что их видение церковной жизни по-настоящему православное. Прежде всего, они инициировали литургическое обновление в церкви, а затем с их помощью и монашеская жизнь стала такой, какой прежде и не мыслилась. Это произошло потому, что они осознали, что для оживления церковной жизни нужно оживить и жизнь монастырей. И они это сделали.

А как осуществляется ответственность laikов на приходах?

Миряне вовлечены в диаконическое служение и образовательную деятельность на приходах. Хотя в греческих школах есть преподавание религии, и это обязательные предметы на всех уровнях образования – и в начальной школе, и в средней, и дальше, – но миряне на приходах всё равно ведут занятия с детьми. Что-то вроде воскресной школы, хотя мы это так не называем, у нас это называется катехизацией. И это более серьёзное, более основательное духовное научение.

Диаконическое служение стало особенно актуально в связи с экономическим кризисом и притоком эмигрантов. Здесь важное место занимает помощь бедным, неимущим. Для них готовят еду, их кормят за счёт приходов, и это служение осуществляется во всех епархиях и почти в каждом приходе. Так что научение детей и помощь бедным – это два основных направления служения мирян на приходах.

Другая, не менее важная роль мирян в греческой церкви (и это характерно только для Греции) касается высшего богословского образования. Дело в том, что преподавание богословских дисциплин в Греции осуществляется, по большей части, профессорами и преподавателями из мирян. Таким образом, все епископы, все священники получают богословское образование, учась у мирян. У нас нет духовных академий и семинарий, принадлежащих церкви, богословское образование является государственным и церковью не контролируется. Однако церковь признаёт аутентичность и высокий уровень богословского образования, которое дают два основных университета – в Афинах и в Салониках. Кроме того, есть ещё четыре высших учебных заведения с богословскими факультетами (их называют академиями), где уровень богословского образования несколько ниже (они ориентируются в основном на приходских священников). И это ещё одна важная роль мирян в церкви, хотя и не всегда явная и не всегда признаваемая иерархией. Иерархам не всегда хочется слышать мнение мирян-богословов, хотя все они получили богословское образование у тех же профессоров-мирян.

Каковы главные проблемы, с которыми сегодня приходится сталкиваться?

Секуляризация в греческом обществе настолько велика, что постепенно мы теряем связь с молодым поколением. И это вина церкви. Вина прежде всего в том, что до настоящего момента мы не осознавали, что необходимо как-то адаптироваться к современной ситуации и искать новые подходы для проповеди Евангелия. Собственно, поэтому мы и решили организовать новую межправославную, межюрисдикционную программу богословского образования – магистратуру и аспирантуру – чтобы, с одной стороны, помочь молодому поколению, а с другой стороны, убедить старые богословские институты изменить подход к обучению и вместо того, чтобы только изучать прошлое – старые тексты, каноны, богословскую мысль – попытаться соотнести эту богатую традицию прошлого с современной ситуацией и перевести её на современный язык. На сегодня это один из самых насущных и трудных вопросов. **КФ**

«Разве с такими людьми нельзя дела сделать!..»

Братья Сергей Николаевич и Евгений Николаевич Трубецкие
и группа «32-х» петербургских священников

Фрагменты писем священника Константина Аггеева предоставлены Юлией Балакиной

Протоиерей Константин Аггеев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой

Сто лет назад, в мае 1919 года, в Ставрополе состоялся церковный собор, который воспринимался его участниками как преемник незавершённого Великого московского Собора. В соборе приняли участие правящие и викарные архiereи, духовенство и миряне шести крупнейших епархий Юга России, члены Всероссийского поместного собора, оказавшиеся на территории, занятой вооружёнными силами, находившимися под командованием ген. А.И. Деникина. Среди них был и кн. Е.Н. Трубецкой. Окажись в это время на Юге России ещё один член Поместного собора — протоиерей Константин Аггеев — он, несомненно, оказался бы ещё одним участником Ставропольского собора. Однако в те дни он был ещё в Петрограде...

За пятнадцать лет до этого в России, прежде всего в столичных городах, развивалось движение, направленное на диалог между церковью и обществом. Решительное сближение петербургского и московского крыла церковно-общественного движения происходило в августе 1905 года, когда один из членов группы «32-х» петербургских священников о. Константин Аггеев посетил Москву с целью набора авторов для планируемого им нового религиозно-общественного журнала. Идея нового журнала активно обсуждалась с мая 1905 г. Редактировать его брались о. Константин Аггеев и А.В. Карташёв.

Средства на журнал обещал книгоиздатель И.Д. Сытин. Среди московских единомышленников о. Константин хотел привлечь «ядро Московской Академии» и участников секции «Истории религии» Студенческого историко-филологического общества при Московском университете, созданного и возглавляемого С.Н. Трубецким: «На другой день были у Эрн и Свенцицкого — стипендиаты С.Н. Трубецкого, — рассказывает в одном из своих писем о. Константин. — Карташёв по моему отъезду должен был переговорить с Бугаевым (Андрей Белый. — *Ред.*), с Соловьёвым и Рачинским. Как только получится разрешение, в Москве состоится общее собрание сотрудников, на котором будет и С. Трубецкой». Из контекста этого письма можно предположить, что С.Н. Трубецкой также дал согласие участвовать в журнале, что воспринималось о. Константином Аггеевым как большая честь.

Мы публикуем фрагменты писем о. Константина, рассказывающие о последовавших за этим разговором событиях. Эти письма лишний раз подтверждают, как основательна была в начале XX века надежда на возрождение церкви и общества, перечёркнутая в 1917 году. Евгений Трубецкой умер от тифа 5 февраля 1920 года в Новороссийске, где оказался вместе с отступавшей Белой армией. Отец Константин Аггеев был расстрелян вместе с сыном в рождественский сочельник 1921 года в Ялте.

Проводы гроба с телом князя С.Н. Трубецкого из Петербурга в Москву

Сергей Николаевич настоял на этом: «Теперь нужно открыто выставить единение духовенства и интеллигенции – того требует исторический момент» (какая вера глубокая у Сергея Николаевича). Нам всем бы такую!

3 октября 1905 г. Петербург.

Когда ты получишь это письмо¹, из газет будешь уже осведомлён о событиях последних дней. Во избежание возможных инотолкований сообщаю тебе всё происшедшее с полной достоверностью.

Смерть князя <Сергея> Трубецкого меня поразила страшно. Не так давно я слышал от П.В. Тихомиров², – насколько религиозен был почивший: ведь это был минус в его личности в глазах многих, и он никогда не прятался с ним от русского прогрессивного общества.

В последнее время Трубецкой – символ разумно-освободительного движения в нашем обществе. И такое или иное отношение к нему со стороны духовенства имеет важное общественное значение.

Вот главные мотивы – помимо непосредственного порыва сердца, – почему я взял на себя руководящую роль по чествованию князя со стороны нашего кружка. После первой же панихиды я полетел к Петрову и Колачеву³.

Решили поднести венок с надписью «от группы П<етербург>ских священников», намереваясь в случае обвинения нас в своеволии опубликовать фамилии участников и тем самым отделить себя от кружка.

На вторую панихиду, которая была в 10 часов в<е>чера, явилось уже около шести человек членов нашего союза, и ото всех я услышал лишь благодарность за свою инициативу. На другой день состоялась панихида от нашего кружка, перед которой я сказал свою речь, предварительно одобренную женой, Чельцовым, Колачевым и Егоровым⁴. После произнесения получил одобрение и некоторых других собратьев. Между прочим, с полным сочувствием отнёсся к нашему участию во всенародном чествовании и теперешний член нашего Союза протоиерей Горчаков⁵.

19 октября 1905 года

Рука утомилась. Не могу больше писать. Об<ер>-Пр<окурор> Св<ятейшего> С<инода> – кн<язь> Оболенский⁶, друг Со-

ловьёва, Трубецкого и С.Н. Булгакова. С таким человеком и церковн<ая> реформация пройдёт мирно.

14 ноября 1905 года

С<ергей> Н<иколаевич> настоял на этом: «Теперь нужно открыто выставить единение духовенства и интеллигенции – того требует исторический момент» (какая вера глубокая у С<ергея> Н<иколаевича>). Нам всем бы такую!

Кн. Е. Трубецкой присылает статью для первого №: «Памяти Вл. С. Соловьёва». Разве с такими людьми нельзя дела сделать!..

7 декабря 1905 года

Наши московские друзья – ученики Трубецкого – Эрн, Свенцицкий⁶ предприняли религиозно-философскую библиотеку. С января приступаю к изданию отдельной книги своей под одним заглавием «Христианство и его отношение к земной жизни» (Сборник статей). Приблизительный план таков.

II отдел.

¹ Адресат писем, если не указано иное, – друг о. Константина профессор Киевской духовной академии П.П. Кудрявцев.

² Свящ. Григорий Петров, свящ. Владимир Колачев.

³ Имеются в виду прот. Михаил Чельцов, свящ. Иоанн Егоров.

⁴ Проф.-прот. Михаил Горчаков.

⁵ Князь Алексей Дмитриевич Оболенский, обер-прокурор в 1905–1906 гг.

⁶ Владимир Францевич Эрн, прот. Валентин Свенцицкий.

Христианство в отношении к культуре

1. О Толстом.
2. О Гоголе.
3. О Горьком.
4. Возрождающийся идеализм.
5. Нужды деревни.
6. Речь о Трубецком.

24 февраля 1906 года

Трубецкому готовят ряд статей под одним общим заглавием «Современные думы служителей Церкви».

1. Развитие сказанных мне золотых слов Антонина⁷: «В глубине церковного учения лежит зерно постоянного просвета».

2. Церковь и освободительное движение, больше по части: тот-то говорил мне то-то... мысли и впечатления.

3. Смертная казнь перед судом христианского сознания.

4. Ещё об отношении Церкви к обществу (по поводу статьи о. Силина⁸ в «Богословском Вестнике»).

5. Церковь и интеллигенция (по поводу статьи архимандрита Андрея в № 52 «Церковного Вестника»).

6. По поводу статьи П.П. Кудрявцева.

Жалею, что «Так ли виноваты они» поместим в «Церковном Вестнике» – лучше бы Трубецкому. Досадно, ведь не прочтут даже наши архиереи, а, согласись, батюшкам читать – только раны растравлять. А там хоть интеллигенция прочтёт.

Моя «Церковь и государство» оказалась для многих светских лиц в известном смысле откровением. А наших не прошибёшь. У них одно: «Потише! Зачем резкости?!»

15 февраля 1906 года. Аггеев – Эрну и Свенцицкому

Не так давно получил письмо от князя Е.Н. Трубецкого, через-вычайно порадовавшее меня. На другой же день послал ему письмо с изъявлением полной готовности быть полезным, чем могу. На днях посылаю ему ещё с указанием нескольких подходящих сотрудников. Отзовитесь вы с Владимиром Францевичем.

25 апреля 1906 года. Петербург.

Вчера отправил Трубецкому вторую думу «Духа не угашайте». Статья местами вылилась, и я ею доволен. Вызов резкий Димитрию и Ко⁹. Димитрий публично позволяет себе сильно прохаживаться на мой счёт. Несмелов был возмущён. Написал письмо Трубецкому о ходе дела и возможном грозном будущем. Если он не приедет в Петербург, о чем прошу его, то я поеду в Киев через Москву.

Вчера получил от Е.Н. Трубецкого письмо. «После назначения Ширинского-Шихматова¹⁰, – пишет, – моя роль в предсоборной комиссии кончена». «Духа не угашайте» будет напечатана в мае; желаем, что «ближайшие номера набраны материалом более или менее неотложным». Сегодня окончил самостоятельное продолжение – окончание «Духа не угашайте». Слишком большое введение – о теперь архиепископе Антонии (Храповицком) и моём последнем визите у него. В мае вероятно появится. Поэтому ничего не пишу.

Неужели распустили Думу? Трубецкой очень пессимистически настроен.

5 сентября 1906 года. Петербург.

«Не желая говорить Вам прошлого комплимента, должен сказать, что я и предполагать не мог такой блестящей лекции», – такими словами приветствовал меня Раев¹¹ после сегодняшней лекции. По своему самосознанию я никогда ещё так хорошо в смысле лекторском не говорил...

На первую лекцию пришли, как мне казалось, все. Но на вторую количество слушателей увеличилось: было немало стоявших. По словам помощницы Раева – некоей Г. Бедюх, сестры одной ученицы К.И. – моей почитательницы (она была псаломщицей), – слушательницы были «очень довольны».

Итак, начало сделано и очень удачно. Расход энергии был такой, что несколько часов потом лежал пластом. Часть лекции, в лекторском отношении наиболее эффектную, сегодня же послал Трубецкому.

6 октября 1906 года

Об учебнике письмами получаю хорошие отзывы. Один из самых хороших – от княгини Трубецкой, «знакомой со всей учебной литературой». Свенцицкий жалеет, что мало философско-апологетического материала: «Неверие начинается с 2–3 класса гимназии!» Письма дают материал для статьи – ответа на отзывы.

Вчера 3 часа провёл у Трубецкого, где был и Струве¹². «Разругали» Струве за то, что сына своего не крестит. Ему уже год.

Предстоит у меня крещение.

КФ

⁷ Еп. Антонин (Грановский).

⁸ Свящ. Димитрий Силин.

⁹ Архиеп. Димитрий (Ковальницкий), проф. И.В. Несмелов.

¹⁰ Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, обер-

прокурор в апреле – июле 1906 г.

¹¹ Н.П. Раев – основатель высших Историко-литературных и юридических женских курсов.

¹² П.Б. Струве.

Правда или порядок?

Мы продолжаем публиковать материалы «Русских бесед»,
проходивших в Москве в 2018 году

Феликс Вельевич Разумовский, историк, тележурналист, автор и ведущий программы «Кто мы?»:

Мне очень приятно, более того, я удивлён, что в Москве собираются люди и обращаются сегодня со вниманием к русской тематике. Это кажется совершенно невероятным. С некоторых пор нежелание изучать и понимать Россию вошло в привычку.

Переходя к теме нашей сегодняшней встречи, решу предложить несколько заметок по поводу специфики русской власти. Эту тему имеет смысл

рассмотреть под двумя углами зрения – с точки зрения *порядка* и с точки зрения *правды*.

В понятии «порядок» очень важно то, что связано с нравами, традициями. Юридическая сторона дела, то есть некий свод законов, призванный регламентировать и оформлять земную жизнь, не является нашей сильной стороной. Полагаю, что все представляют, почему это так. Не то чтобы мы были принципиально не законопослушными людьми. Просто для нас важнее нечто другое. Религиозное важнее эмпирического. Последнее не может быть центром нашей жизни, её главной пружиной. Русское мировоззрение смещено к такому понятию, как *правда*. Нам нужно ответить себе на вопрос: зачем, во имя чего этот порядок, эта жизнь, в конце концов?

С порядком, все это понимают, в русской истории колоссальные проблемы. Достаточно вспомнить знаменитую стихотворную «Историю Государства Российского от Гостомысла до Тимашева»¹. К слову: Тимашев – это начальник штаба жандармов и Третьего отделения. Очень важная сатирическая краска, между прочим. Потому что созданная при Николае I новая форма тайной полиции – Третье отделение – была призвана решить в огромной империи именно проблему порядка. Власть, осознав проблему, прибегает к бюрократической утопии. Дело заведомо несостоятельное.

Можно было бы и дальше комментировать этот замечательный стихотворный текст и даже в чём-то

¹ Вот фрагменты этой поэмы А.К. Толстого:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.
А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет...

Царь Пётр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.
Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..»

Весёлая царица

Была Елисавет:

Поёт и веселится,
Порядка только нет.
Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.
«Madame, при вас на диво
Порядок расцветёт, –
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот...

Воспользовавшись энергией этого бунта, этой смуты, приходят к власти большевики – и меняют идею правды. С помощью насилия (и во имя своей правды, это принципиально важно) они уничтожают практически все элементы старого русского уклада.

поспорить с Алексеем Константиновичем Толстым. Например, в том, что касается Екатерины II. Всё-таки императрица, зная толк в своём политическом ремесле, довольно хорошо представляла причину обсуждаемой нами коллизии. За своё тридцатилетнее царствование она попыталась исправить положение, и ей, надо сказать, в этом смысле многое удалось.

Но главное, в чём нельзя согласиться с автором «Истории», касается роли народа. В поэме народ буквально безмолвствует, во всяком случае, он совершенно пассивен. В «Истории» действуют исключительно носители верховной власти. Просто перечислен ряд правителей России, они что-то там предпринимают, или «веселятся», как Елизавета Петровна, но порядка в стране они всё равно добиться не могут. Ничего в этом смысле у них не выходит.

Эта чисто художественная картина далека от исторической реальности, потому что разделять понятия «народ» и «власть» невозможно. Проблемы с порядком – не только проблемы русской власти, это проблемы и русского народа. Как известно, мы склонны к бунту, т. е. к крайней форме протеста, который сопровождается категорическим отрицанием всякого порядка.

За примерами далеко ходить не придётся. Впрочем, здесь стоит отвлечься от «Истории» Алексея Константиновича и начать всё-таки с конца, с катастрофы 1917 года. С того момента, когда сто лет назад в истории России была поставлена точка. Русский порядок – несовершенный или совершенный, и все оберегающие его формы законности были отвергнуты. «Россия слиняла в три дня»² и начался бунт.

² «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была –

Воспользовавшись энергией этого бунта, этой смуты, приходят к власти большевики – и меняют идею правды. (О том, что они были чувствительны к этой материи, говорит хотя бы то, что их главная газета называлась «Правда». Здесь новые хозяева страны были точнее, чем другие политические силы тогдашней России.) Далее они с помощью насилия (и во имя своей правды, это принципиально важно) уничтожают практически все элементы старого русского уклада.

То, как происходило это разрушение России, совершенно скрыто от нас. Мы привыкли слышать о «победоносном шествии советской власти». Но есть документы комиссии генерала Деникина о расследовании злодеяний большевиков. И они показывают, что из себя представляло это «победоносное шествие» на Юге России (думаю, что ситуация в других районах принципиально не отличалась). Это именно бунт, хаос, в атмосфере которого совершались бесконечные грабежи, насилие, убийства. При этом проявление злобы чудовищное. Бандиты устраивали попойки в храмах Новочеркаска; они поступали примерно так же, как французы в 1812 году: на престоле выставляли крепкие напитки, развлекались с девицами. Устроили «свадьбу священника с кобылой»... Понимаете, во что была превращена русская жизнь?!

Дальше с помощью всё того же террора (а массовый террор продолжался практически до смерти Сталина) всё это буйство вводится в берега. Причём главная цель террора – не просто уничтожить (убить, расстрелять, как это делалось в 1918 году), а морально раздавить человека, заставить его признаться в совершенно абсурдных вещах, что он член или руководитель террористической организации,

эпоха, «два или три века». Здесь – три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Чтó же осталось-то? Станным образом – буквально ничего» (В.В. Розанов, «Апокалипсис нашего времени»).

Софийский собор Новгорода

шпион... Дальше с таким опустошённым, раздавленным человеком можно делать всё что угодно. Тут никакой подлинный порядок уже невозможен, а, главное, не нужен. Тот порядок, который сложился в советское время, – это мнимый порядок, то есть видимость. Что и проявилось в 1990-е годы, когда коммунистический режим рухнул. При этом была отброшена давно выродившаяся идея правды. И снова, теперь уже советская Россия, «слияла в три дня». И в очередной раз оказалось, что порядка «нет как нет».

Девяностые годы некоторыми людьми описываются как некое царство свободы. Но я могу просто привести один пример – я это лично наблюдал, мы это снимали. Огромный производственный комплекс в Сибири под названием Красноярский алюминиевый комбинат, – а это несколько гидроэлектростанций, какие-то обогатительные фабрики и так далее... это целый город, где работают десятки тысяч людей, – оказывается в руках двух неизвестных, непонятно откуда взявшихся проходимцев братьев Чёрных. И весь красноярский комплекс несколько лет просто работал на них. Пример чистой воды бандитизма. Так называемый военный коммунизм образца 1918 года от этого принципиально ничем не отличается. Разве что использованием каких-то новых финансовых технологий, в данном случае так называемого «толлинга». И поскольку в этом «царстве свободы» не было ни порядка, ни подлинной власти, за обладание Красноярским комбинатом стали бороться разные преступные группировки. Начались так называемые «алюминиевые войны». Погибавших хоронили на окраине Красноярска на отдельном кладбище. Вот, собственно, что значит русский хаос, в данном случае образца 1990-х годов прошлого века.

Ну а теперь попробуем хотя бы пунктиром проследить, почему и как мы пришли к такому итогу. Всё-таки Россия – страна с тысячелетней культурой, русская государственность, русская власть

имеют колоссальные традиции. Стало быть, неизбежно накапливался исторический опыт.

Разговор на эту тему я бы начал, как ни странно, с древнерусской Новгородской республики. Просто предлагаю вам посмотреть, как там решался и вопрос с порядком, и вопрос с правдой. Эта система просуществовала более 400 лет, больше, чем существуют США, так что это серьезно, и кроме того очень интересно и поучительно.

Философ Георгий Федотов предложил очень точное название новгородского государства – Республика Святой Софии. Речь идёт о центре новгородской жизни, о её стержне. Недаром жители Новгорода, собираясь на войну (а воевать им приходилось довольно часто), бросали клич: «Умрём за святую Софию!». Эта святыня – главный новгородский храм и всё, что связано с идеей Софии, – конечно, задавало координаты и духовной, и культурной жизни. И в том числе новгородской политической системе. Это то, что касается *правды*.

А теперь о том, что касается *порядка*. Очень быстро новгородцы освободились от власти князя; восторжествовал принцип «вольности в князьях». Им помогла на этом пути знаменитая грамота Ярослава Мудрого (первый этап своей политической деятельности он был новгородским князем). Впоследствии, как известно, новгородцы оказали ему серьёзную поддержку в борьбе за киевский стол.

Поначалу эта борьба складывалась для Ярослава неудачно. Проиграв войну Святополку Окаянному, князь Ярослав решил бежать из Новгорода в Скандинавию (поскольку он варяг, Рюрикovich, там его корни)... Но новгородцы пришли на пристань, разрушили приготовленные для побега лады и решительно выступили на стороне Ярослава.

Вот за эту помощь и ещё, наверное, за то, что всё-таки жизнь с новгородцами у него сложилась довольно удачно, Ярослав дал Великому Новгороду некую грамоту. В этом документе закреплялся новый порядок. В частности, отныне князь не имел

Князь Ярослав

Вече в Новгороде. Картина Андрея Рябушкина, конец XIX в.

права владеть землёй в пределах Новгородского государства. То есть князь в Новгороде – это только предводитель военной силы, своего рода «военный министр». Тогда как власть принадлежит самим новгородским гражданам.

Это была своего рода «прямая демократия». Основные вопросы выносились на собрание горожан, знаменитое новгородское вече. Но прежде эти вопросы обсуждались в целой системе демократических институтов. Сначала на «уличанском вече»: т. е. каждая улица имела своё собрание. Потом на так называемом «кончанском вече» (конец – это район Великого Новгорода) и так далее. И только после этого собиралось общегородское вече на Ярославовом дворце.

Представлять себе картину этой демократической власти как идеальную, конечно, совершенно неправильно. Взять хотя бы такую традицию: если должностное лицо в Новгородской республике (будь то даже сам посадник или тысяцкий) оказывался уличённым в каком-нибудь должностном преступлении, а это, судя по всему, случалось нередко, то его владение обрекалось на так называемый «поток». То есть просто подлежало коллективному разграблению. Другая форма кризиса – бессилие вечевого собрания выработать консолидированное решение по тому или иному вопросу. Тогда противоборствующие партии, как известно, сходились на Великом мосту – это мост через Волхов, который соединяет Торговую и Софийскую часть города. А дальше начиналось самое настоящее побоище, иногда довольно жестокое...

Далеко не идеальными были также нравы Великого Новгорода как торгового города. Торговля, как известно, важнейшая статья новгородского хозяйства (по-нынешнему – экономики). И недаром торговый человек Садко стал самым известным персонажем новгородского эпоса (былины). О том,

как живёт этот гражданин «Республики Святой Софии», можно судить хотя бы по одной его реплике: «Ой, да всю Россиюшку продам, назад-назад выкуплю»...

И возникает вопрос – на чём же это всё держалось при несовершенстве демократической процедуры, далеко не совершенной среде торговых людей и так далее? Как поддерживался новгородский порядок? Для начала припомним одно замечательное событие, описанное в новгородской летописи под 1439 годом. Ночью дежуривший в Софийском соборе пономарь Аарон увидел, как из Мартирьевской паперти вышли все погребённые там новгородские владыки. Собравшись у главной новгородской святыни, иконы Знамения, они молились перед ней за Великий Новгород... «Слыша таковое чудо», святитель Евфимий³ обрадовался: «Не оставил Бог места сего молитв ради святых архиепископов», – сказал он новгородцам.

Это летописное известие показывает нам, как на самом деле был устроен новгородский мир. Совершенно очевидно, что центральной фигурой всего этого государственного, политического и социального образования были новгородские владыки. Таков, если угодно, секрет этой древнерусской демократии.

Для человека иной культурной традиции воспринять особенности устройства новгородской жизни непросто. У нас есть описание древнего Новгорода приехавшими туда иностранцами. Они считали новгородского владыку сувереном, то есть носителем верховной власти. Во-первых, потому что казна богатейшего государства лежит «на полатях Святой Софии», то есть епископ помимо всего прочего ещё и своего рода «министр финансов». Во-вторых, все внешнеполитические международные договора скрепляются его, епископской, подписью.

И тем не менее, представлять Великий Новгород

³ Архиепископ Новгородский Евфимий II (в миру Иоанн; † 1458) был канонизирован на втором Макарьевском соборе в 1549 году.

Святитель Евфимий, архиепископ Новгородский, святитель Иона, архиепископ Новгородский, святитель Моисей, архиепископ Новгородский

эдаким русским Ватиканом было бы категорически неверно. Новгородского епископа нельзя считать сувереном, сувереном являлось новгородское вече, которое на самом деле избирало владык.

Чтобы яснее представить себе роль новгородских святителей в истории Новгорода, стоит припомнить, что «епископ» это в буквальном смысле «надсмотритель». У епископа апостольские прерогативы: воспитание и учительность. Свободными гражданами Республики Святой Софии не рождаются, ими становятся. Этих граждан заботливо воспитывали новгородские владыки.

Как ни странно, они с этим делом прекрасно справлялись: не только со своей духовной миссией, но и с социальным служением. Недаром из тридцати владык республиканского периода семнадцать причислены к лику святых – больше половины. Это поразительный факт русской истории, поразительный! Всё-таки с царями у нас несколько иная ситуация, не так ли?

Тут самое время вспомнить слова академика А.М. Панченко: «Святости удостоивается тот, кого любят». На этот счёт у нас нет и не может быть никаких сомнений: русская республика не только почитала, но и любила своих владык.

И потому новгородцы были готовы услышать из святых уст не только слова утешения, но и самую горькую правду. И даже обличения.

Как видим, новгородский порядок держался не на формальных законах. Этот порядок созидался стремлением к освящённому, обжитому и упорядоченному миру. Тогда как само стремление поддерживалось и укреплялось идеей Софии, то есть правдой. Отсюда исключительная роль новгородского владыки, на его духовном попечении была связь между порядком и правдой, между земным и горним.

⁴ В результате битвы Новгород потерпел тяжёлое поражение, были уничтожены его лучшие воины, что предопределило

Другое дело, что постепенно эта замечательная конструкция, как и всё, что существует на земле, стала вырождаться, в данном случае в обычную олигархию. Связь между порядком и правдой сначала ослабла, а потом и вовсе практически исчезла. Поэтому присоединение Новгорода к Москве, которое произошло в XV веке при Иване III, совершенно невозможно описывать как аннексию самодержавной Москвой трепетной Новгородской республики. Нет, всё было не совсем так, точнее совершенно не так. Во-первых, Новгород к тому времени давно перестал участвовать в общерусском деле, в том числе в противостоянии Литовскому и Польскому государству. Вместо этого самоотверженного противостояния – а Новгород мог собрать достаточно большое войско – он стал откупаться. Вот ещё маленькая деталь: новгородцев нет среди дружин, пришедших на Куликовскую битву. Одновременно и система новгородской власти тоже стала вырождаться, разваливаться.

Характерный признак этого разложения – знаменитая Шелонская битва 1471 года⁴. Пять тысяч московских ратников победили пятидесятитысячное новгородское войско! То есть новгородцы и здесь просто не хотели воевать. Это был полный упадок. И поскольку, как известно, в доставшемся московским воеводам обозе новгородских бояр была найдена грамота-договор с Великим князем литовским – совершенно предательский документ, Ивану III приходится принять жёсткие меры. В нарушение тогдашних традиций пленные новгородские бояре были казнены. В данном случае они рассматривались как предатели, а потому не подлежали выкупу.

Показательно и то, что полного присоединения Новгорода к Москве тогда не произошло. С Новгорода взяли выкуп, ограничили его внешнеполи-

окончательное поражение Новгорода и подчинение его Москве в ходе следующей московско-новгородской войны 1477–1478 года.

Новгородский порядок создавался стремлением к освящённому, обжитому и упорядоченному миру. Это стремление поддерживалось и укреплялось идеей Софии, то есть правдой.

тическую деятельность – и всё. А новгородский порядок, всю политическую и социальную систему оставили старую: вече, выборный посадник и так далее.

Само присоединение произошло позднее, а главное совершенно невоенным путём. Просто московская власть в лице Ивана III продемонстрировала, что *правда* находится на московской стороне. Это совершенно замечательная история. Осенью 1475 года Иван III приехал в Новгород и остановился на Городище (это традиционное место, где когда-то проживали все новгородские князья). И любой житель, который не мог найти правды в системе Новгородской республики, любой обиженный прежним порядком человек получил возможность воспользоваться справедливым судом московского князя. Вот как произошла смена новгородской системы власти на московскую. Эта смена произошла в тот момент, когда новгородцы осознали, что *на стороне московской власти находится правда*. Военные средства, грубая сила наверняка только помешали бы такому развитию событий.

Иван III, на мой взгляд, – это совершенно уникальный русский деятель. Он умел гармонизировать порядок и правду, два важнейших начала русской жизни. Именно поэтому ему удалось создать громадное Русское государство и сделать фундаментальный политический задел, которым мы, собственно, пользуемся до сих пор.

А дальше его внуком Иваном Грозным эта система подвергается болезненной трансформации. Хрупкий баланс между порядком и правдой нарушается. Возникает совершенно безумная идея строительства **«государства правды»**. Это, как известно, происходит не сразу. В начале правления Ивана Грозного проводятся необходимые и полезные преобразования – судебная, земская реформы... Действовала, как сегодня сказали бы, «эффективная команда», и порядок жизни в начале правления

Ивана IV поддерживался не худшим образом.

Всё изменилось не без влияния митрополита Макария. Деятельный архипастырь, он был последовательным сторонником иосифлянства. Ему пришлось по душе и знаменитые трактаты Ивана Пересветова о государствах и правде. Вопрос о причинах потрясшей христианский мир катастрофы стоял необычайно остро: почему погибла Византия? Потому что греки потеряли правду! Стало быть, если мы не сохраним правду, не победим зло в своём государстве, Русь, Московское царство, последний оплот православия в мире тоже погибнет... А ведь отвечает за государство боговенчаный царь... (Здесь я отсылаю вас за неимением времени к замечательным работам Б.А. Успенского, который проанализировал русский чин венчания на царство. Этот чин сильно отличается от византийского: если византийский император в чинопоследовании уподобляется царю израилеву, то русский царь уподобляется Христу. В чине венчания на царство Ивана Грозного это ещё не так явно, но в чине венчания его сына Фёдора Иоанновича это уже абсолютно прямо и откровенно.)

Вы, конечно, знаете, как, какими средствами будет реализовываться идея «государства правды». Раскол русского общества, введение опричнины, уничтожение элиты и, безусловно, разрушение всякого порядка. «Ради правды» порядок разрушается настолько, что даже Борис Годунов – политик другого склада, который скорее всего пытался вернуться к тому балансу, который был при Иване III, – не смог удержать ситуацию. И наступила первая Великая русская Смута: самозванцы, торжество криминального мира (время разбойников), чудовищное падение нравов, измена национальной элиты... Одним словом, полное разрушение порядка.

Что происходит дальше? Восстанавливается русское самодержавие. И весь семнадцатый век

Великий князь Московский Иван III Васильевич (1440–1505), его сын Василий Иванович, будущий Василий III (1479–1533) и внук Дмитрий Иванович (1483–1509). Фрагмент пелены XV в., Исторический музей

Иван III, на мой взгляд, – это совершенно уникальный русский деятель. Он умел гармонизировать порядок и правду, два важнейших начала русской жизни.

планомерно и последовательно усиливается сакрализация носителя верховной власти (Алексея Михайловича уже официально во всех документах называют святым). Это создаёт основу для ещё одного русского переворота. Появляется правитель, который пытается реализовать идею **«Русского парадиза»**, – Пётр Великий. Его культурная и политическая программа предусматривает коренное изменение всего, что касается правды. И одновременно это очередное обрушение порядка.

В стихотворении Алексея Константиновича единственный персонаж, который будто бы добивается порядка, – это Пётр. Когда император умирает, порядок вновь разрушается... На самом деле, Пётр не установил никакого порядка: при нём процветали такое лихоимство, такой хаос государственного управления, которые вообще трудно себе представить. Воровали все, даже несмотря на то, что был создан институт фискалов, чтобы они доносили Государю («борьба с коррупцией»)... Тем не менее только Александр Данилович Меншиков присвоил себе состояние, превышающее годовой государственный доход. Вы представляете масштабы лихоимства?! Помните знаменитую сцену, когда Пётр говорит: «Пишу указ, что если кто-то сворует на сумму, на которую можно купить верёвку, того повесить». А Ягужинский – прокурор! – отвечает: «Государь, ты останешься без людей, потому что мы все ворует, только один больше, а другой меньше...»

И последнее: эта петровская метаморфоза тоже разделяет страну на две части. Элита страны проходит через отречение от традиции, от своих привычек, т. е. через отщепенство. Монарх рубит бороды, переодевает подданных в иноземное платье, вводит новый календарь... И так далее, и так далее. Мы привыкли думать, что это – европеизация, но на самом деле для европеизации всё это совершенно не нужно. Европеизация прекрасно шла при прави-

тельстве Софьи, и очень активно. Но главное, там поддерживался баланс между правдой и порядком.

И, судя по всему, страна жила довольно неплохо. Но этот путь был отвергнут, правительство блестящего Василия Голицына выброшено вон, всё перевернуто вверх дном... Ради идеи создания регулярного государства. Потому что, если царь уподоблен Творцу (как Ломоносов напишет: «Он бог, он бог был твой, Россия»⁵), то можно «из ничего» творить новое государство, новый порядок. И это становится традицией. Моделью государственного поведения. Немногие этапы имперской истории свободны от подобного подхода. Петровский радикализм проходит через все Великие реформы и заканчивается тем, с чего мы начали, – катастрофой 1917 года.

...Главная мысль этих моих поневоле кратких заметок довольно проста. Невероятная сакрализация носителей верховной власти обернулась чередой попыток построить в России государство правды. Это имело тяжелейшие, разрушительные последствия. В конце концов, мы разуверились в правде и лишились порядка. Лишились бесценного комплекса русской обиходной культуры. Ибо порядок невозможно придумать и силой навязать людям. Любые юридические установления тут бессильны. Чтобы действовали законы писанные, они должны опираться на законы неписанные, на традицию, нравы и укоренённые формы консолидации различных социальных групп.

Отсутствие порядка и правды и в XXI веке создаёт питательную среду для русской Смуты. Как всегда, это тотальное упрощенчество, самозванчество и криминализация сознания. Вот такие вызовы стоят сегодня перед новой-старой российской властью и перед всеми нами.

Дискуссию, последовавшую за этим докладом, мы планируем опубликовать в одном из следующих номеров. КФ

⁵ «Ода на день тезоименитства великого князя Петра Феодоровича 1743 года».

Братский помянник

7 мая отошёл ко Господу Никита Алексеевич Струве (1931–2016).

Выдающийся деятель русского зарубежья, он был бессменным редактором лучшего из церковно-общественных журналов эмиграции – «Вестника РХД». Рос он в семье, которая не была глубоко верующей, и церковным, православно убеждённым человеком стал постепенно. С конца 1950-х годов он уже принимал ведущее участие в издании движенческого журнала. «Вестник» попадал в Россию, и у молодого редактора журнала установились связи с верующей молодёжью в СССР – по его воспоминаниям, это было «потайное, но деятельное письменное общение». Журнал перестал быть только лишь изданием эмиграции: он стал постоянно публиковать (конечно, под псевдонимами) статьи авторов «из-за железного занавеса». После отмены антицерковных законов Н.А. Струве открыл в Москве издательство «Русский путь» и стал ездить по городам России – с лекциями, с грузом книг для местных библиотек. Ему было очень важно передать всё то богатство, которое успела накопить жившая в условиях небывалой свободы от государственного гнёта русская эмиграция. Во многом поэтому он поддерживал живые отношения с Преображенским братством и вошёл в Попечительский совет Свято-Филаретовского института.

18 мая 1847 года отошёл ко Господу архимандрит Макарий (Глухарев) (1792–1847).

В 1829 году о. Макарий подал прошение о переводе его в Сибирь и «употреблении на дело миссии». Вскоре была открыта Алтайская духовная миссия с центром в городе Бийске. Тех, кто трудился в ней, связывали глубокие братские отношения. О неформальном уставе этого миссионерского братства можно судить по записи, сохранившейся в одном из писем архим. Макария:

«А. Желаем, да будет у нас всё общее: деньги, пища, одёяние, книги и прочие вещи; и сия мера да будет для нас удобностию в стремлении к единому сердцу».

Б. Желаем тому из нас, которому определению начальства будет поручено особенное попечение о деле проповедания, повиноваться правилам иноческого общежития как в поручениях, относящихся к проповеданию, так и в других отношениях и случаях...

В. Желаем принимать от него наставления со вниманием, смирением и любовью; а его наставления должны происходить из Слова Божия и быть согласными с учением Церкви Восточной и Греко-Российской.

Г. Желаем быть пред ним искренними и откровенными в частом исповедании помыслов и искушений наших и вместе с ним учиться у

Господа уклоняться от зла и творить благое; он же обязуется... действовать в смиренной памяти о собственной немощи, по долгу любви и снисхождения к братьям, и беспристрастно принимая от них благонамеренные советы, полезные замечания, кроткие напоминания, в случае погрешительности поступков своих искренно виниться перед ними и просить у них прощения и пособия к исправлению своему.

По сим правилам жить и служить в проповедании Евангелия народам языческим, в Тобольской епархии живущим, желаем: архимандрит Макарий, ученик семинарии высшего отделения Василий Попов, ученик семинарии низшего отделения Алексей Волков».

30 мая отошёл ко Господу архиепископ Иоанн (в миру – князь Дмитрий Алексеевич Шаховской) (1902–1989).

Шестнадцатилетним юношей будущий архиепископ сражался в Белой армии. В день своего 24-летия принял постриг: так молодой эмигрант, считавший, что православие не в том, чтобы хвалиться им, а чтобы стыдиться в нём, подтвердил, что выбирает путь церковного служения. На протяжении сорока лет он вёл на радиостанции «Голос Америки» еженедельную передачу «Беседы с русским народом». Одна из любимых

его мыслей – мысль о «белом иночестве», которой он посвящал и статьи, и стихи:

*Ничего не считать неважным,
Всякое сердце стеречь от гнева.
И, бросая слово своего сева,
Затаить дыхание над каждым.
Труд земной возможен без*

раздела.

Пусть тогда в нём одном

вниманье.

Послушание и земному делу –

Перед Господом послушанье.

*Лишь бы сердце о земном не пело,
Но несло бы Богу все мгновенья.*

И вокруг него всё было бело

От цветов благодаренья.

31 мая отошла ко Господу сестра Иоанна (Юлия Рейтлингер) (1898–1988).

Она стремилась не повторить, а возродить иконопись, найдя верное сочетание древней традиции и новизны свободного творчества. В 1935 году вслед за своей подругой матерью Марией (Скобцовой), впоследствии мученически погибшей в 1945 г. в Равенсбрюке и причисленной в 2003 году к лику святых, приняла монашеский постриг. Как и мать Мария, новопостриженная инокиня Иоанна осталась в миру, парадоксально обосновывая это решение: «Монастырь – нет; моё послушание – свободное творчество».

В 1955 году вернулась в Россию, где ей разрешили поселиться не в Ленинграде (Петербурге, из которого она когда-то уехала), а только в Ташкенте, где она и прожила последние 33 года.

Данте подсказал

Интервью с Ольгой Александровной Седаковой

Беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина

Мы хотели бы это интервью посвятить теме надежды, потому что людям её очень не хватает. И особенно нужна такая опора тем, кто ищет в своей жизни правду. Такие люди вдруг появляются, хотя иногда этого, казалось бы, невозможно было ожидать, в разные, порой совсем не располагающие к этому исторические эпохи (например, в 1970-е – 1980-е годы, во время застоя). Как

Вам кажется, как можно таких людей подбодрить, собрать, «окликнуть»?

Я не знаю. Но могу сказать, что мне уже несколько лет особенно нравятся молодые люди, начиная со старшекласников, студентов. И все, кто имеет дело с этими людьми – преподаватели школы, университета, – говорят, что появляется какое-то очень приятное поколение, более свободное, более ответственное... Вы знаете, они делают интересные вещи. Мне попадались работы,

которые пишут школьники старших классов на литературные темы, допустим, о Пастернаке, о русской поэзии. И они пишут не хуже, чем студенты в университете, там обычно есть интересные мысли.

Конечно, я встречаюсь с теми, кто учится в хороших школах. Я не знаю, что происходит в обычных городских школах, но какое-то изменение заметно. Что с ними будет дальше, будет ли давить и угнетать их окружающая обстановка – этого я уже не знаю.

Не всё же зависит от внешних обстоятельств. Ведь и при позднем социализме у кого-то была надежда...

Но далеко не у всех. Наше поколение называли погибшим литературным поколением, потому что среди моих ровесников в то время было очень распространено самоубийство, причём это делали самые талантливые люди – они просто задохнулись в воздухе позднего социализма. Так что некоторые не выдерживают такого испытания.

У меня, может быть, воспоминание о более поздних временах, о 1980-х. В нашем кругу было очень много молодых людей, которые прорывались в Церковь, более того, искали общинной жизни. Ведь и Вы не могли с этим не сталкиваться...

С общинной жизнью, пожалуй, нет, а с тем, что люди приходили в Церковь, и это было большим утешением и просветом во всём – это да. И те поэты, о которых я говорила, и те художники, которые тоже покончили с собой или спились, конечно, были нецерковными людьми.

Но для нас были и другие на-

дежды из области ожидания – совершенно неисчерпаемая жизнь человеческого творчества, которая перед нами открывалась после советского «культурного поста». Так многое было нам неизвестно – и вдруг открывалось что-нибудь за пределами советской программы: средневековые, античность... Я не знаю, чувствуют ли люди сейчас такое. Такой любви к культуре, как в те годы, я больше не встречала. Сейчас то, что я вижу, больше похоже на интерес или профессиональный, или чуть ли не «туристический». Вот прекрасный современный проект – «Arzamas»¹. Но те лекции, которые читали в моей юности, куда все сходились – лекции Аверинцева, Мамардашвили – очень отличались от современных лекционных курсов. Мы ходили на них не затем, чтобы просто узнать, скажем, об индийских поэтах VI века; это всегда была не просто информация, но постановка больших проблем. А теперь, мне кажется, культурное просвещение – скорее информативно-развлекательное, как будто его проблемной, философской, мировоззренческой основы уже нет.

А с чем, на Ваш взгляд, может быть связано такое обмельчание?

Не знаю, но глубина уходит отовсюду. Вы могли бы заметить, что у нас совершенно не появляется, например, каких-то новых интересных богословских работ. В советское время, когда всё это было запрещено, можно было встретить такие вещи. Сейчас интерес очень близок к «газетному», актуальному. Мне кажется, это происходит почти во всех областях, всё остаётся на какой-то практической плоскости: надо вот это сделать, вот то не забыть, вот это изменить или не изменить... а какой-то созерцательной, глубокой, вопрошающей мысли я не встречаю.

Завлекательные заголовки, небольшие цитаты, которые бросаются в глаза и привлекают читателей (я перевожу всё на свой информационный лад)... Даже Никита Алексеевич Струве говорил нам: пишите короче, люди не читают сейчас такие большие тексты. Это общемировой процесс?

Да, конечно. К сожалению, это общемировой процесс.

¹ Arzamas.academy – проект, посвящённый истории культуры. Включает курсы лекций, журнал, спецпроекты, «ликбезы».

Существует также в аудиоверсии («Радио Arzamas»).

Данте Алигьери

Так многое было нам неизвестно – и вдруг открывалось что-нибудь за пределами советской программы: средневековье, античность... Я не знаю, чувствуют ли люди сейчас такое. Такой любви к культуре, как в те годы, я больше не встречала.

Может быть, нашей стране в этой ситуации приходится тяжелее других, потому что у нас в XX веке целенаправленно истреблялся слой всякой элиты: политической, хозяйственной, культурной, духовной?

Да, конечно, это была «работа» на снижение человеческого потенциала, продолжавшаяся много десятилетий. Но при этом мы немножко отставали от общего кризиса, потому что люди моего поколения и более старших, тосковавшие по мировой культуре, не знали, что в это время происходит контркультурная революция, и у нас не было ощущения «смерти искусства», наоборот, это был целый мир, куда можно было сбежать из окружавшего нас убожества. А теперь, имея неограниченную возможность побывать в странах, которые называют развитыми, люди оказываются в состоянии какой-то разочарованности жизнью.

Возможно ли, что мы выйдем из этого всемирного кризиса в новое углубление каким-то взрывом? В истории, наверное, бывали уже такие

вещи, когда всё мелеет-мелеет, и вдруг какой-то прорыв.

Мы не знаем будущего, и это одно из кардинальных свойств человека. В целом же сейчас происходит огромная цивилизационная перемена, к которой человечество, как всегда, не очень готово. На наших глазах действительно рождается новая или менее распространяющаяся по всей планете. Пока она глубоко, видимо, копать не может, пока что всё это поверхностно, но там дальше – кто знает?

То есть, возможно, на фоне этого общего обмельчания рождается новое поколение, которое опять нас куда-то выведет?

Я думаю, люди соскучатся без глубокого, без волнующего, потому что вся эта мелочь не очень волнует. Ну разумеешь ты, как оно было в ранней Греции, как было в поздней Греции... Но то, что тебя на самом деле волнует, заставляет думать, всё-таки нужно. Может быть, найдутся какие-то зоны для такого интереса.

Просто сейчас преобладает массовая культура. А ведь тех, кто

представлял собой культурный авангард, всегда была небольшая горсточка. Вспомните, какие тиражи были у Пушкина².

Наверное, таких людей и всегда немного. Просто теперь они лишены какого бы то ни было «иерархического места». Нет больше иерархии в культуре. Раньше было известно: вот здесь говорят знатоки, а здесь – простецы. Теперь же все мнения, в общем-то, равны, хотя есть мнения очень авторитетные (может быть, разница сегодня только в этом).

А на что ориентируетесь Вы?

В последнее время я работала над большим томом. Эта работа – «Мудрость надежды и другие разговоры о Данте».

Данте – поэт, который называл себя верным надежде. С этим и были связаны всё это время мои мечты и упования.

Мы слышали, что название Форума национального показания и возрождения – «Имеющие надежду» – непосредственно связано с Вами.

Да. Мы как-то обсуждали это с Юлией Балаксиной. Данте под-
сказал. КФ

² Первое полное издание «Евгения Онегина» вышло тиражом около 2400 экз. До этого роман выходил отдельными главами

(тиражом по 1200 экз.).

Надо идти дальше

Из беседы на второй просветительской Открытой встрече¹.
На вопросы отвечает священник Георгий Кочетков

Меня зовут Ольга. Я верующая, но не воцерковлённая. Когда мне было лет двенадцать, мама рассказала мне о Христе. Я тогда ещё была не способна воспринять Его как Бога. Я восприняла Его как святую, очень чистую личность и преисполнилась огромным состраданием к тому, что Его распяли. Я очень хорошо помню это чувство. Оно было очень глубоким. Когда мне было лет двадцать семь, я много думала о Его жертвенности и чувствовала, что мне очень хочется пожертвовать собой так же, как это сделал Христос. И старалась этому следовать в той мере, которая возможна для человека. А сейчас мне сорок лет. И я думаю, то, что я ищу во Христе, – это способность к любви. Любви к ближнему, любви к Богу. Я ищу

любвь в самом большом, самом обширном смысле этого слова. Вот такой опыт.

Спасибо, Ольга. Это очень интересный и редкий случай. Мне очень важно было услышать не придуманное, а взятое из жизни описание такого пути. Раньше я с таким живым примером не встречался. Это здорово!

Вы говорите, что Вы невоцерковленный человек. Это дело наживное. Что значит воцерковление? Это умение жить вместе с другими людьми, единоверцами своими, людьми того же духа. Объединять свои силы, а не быть в одиночестве в этом мире, который часто людей к этому одиночеству толкает. Быть более открытым. Проявлять ту любовь, о которой Вы говорили, получив этот дар. Поэтому то, что вы говорите, – это очень хорошо.

Да, надо идти дальше – это действительно так. Никому нельзя стоять на месте.

Вопрос:

В Евангелии от Луки Иисус учит учеников молиться: «Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день». Отец Георгий, как Вы думаете, какой хлеб Иисус учил учеников просить у Бога Отца?

Спасибо. Это хороший вопрос.

Существуют известные споры на эту тему. Какой хлеб? Насущный, а по-гречески даже «надсущный». То есть это и простой хлеб, чтобы человек не умирал с голоду, но и не только простой хлеб. Это что-то, что нужно человеку именно *как человеку*. Ведь просто питание нужно любому существу. А вот человеку нужно что-то большее.

В этом месте имеется в виду *и то и другое*, и это надо всегда иметь в виду. Во множестве толкований говорится или об одном, или о другом («или» – «или»), но здесь важно видеть «и» – «и». Хлебом насущным может быть

¹ Текст первой встречи из этого цикла был опубликован в № 2(246), 3(247). Начало беседы на второй встрече – в № 4(248).

– Мы ищем объединения христиан. А как провести границу между единством и массовостью?
– Массовость – это безличные отношения, когда никого не интересует лицо человека, его личные качества. Вот против чего надо бороться.

та самая божественная Любовь, о которой мы с вами говорим, та самая вера, то самое качество жизни (можно ещё продолжать этот ряд). Я точно знаю, что если человек *совсем* потеряет веру, то он в самое ближайшее время умрёт. Случайно или каким-либо другим образом – неважно. Если человек *совсем* потеряет любовь, будет то же самое. Если человек совсем потеряет человеческий образ (а это образ невыдуманный, это внутренний, глубокий образ; обычно его называют образом Божиим в человеке), он тоже не жилец на этом свете. Поэтому даже неверующие люди на это место ставят что-то – может быть, не всегда истинное, надёжное, совершенное. Но всё равно что-то они на это место ставят, потому что борются за жизнь. Ведь иначе нечем жить, только в петлю лезть.

Я хотел бы дальше прочитать: «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него». Здесь именно о Духе Святом говорится. Так что либо физический хлеб, либо Святой Дух имеется в виду в этой молитве.

Нет, всё-таки в молитве «Отче наш» имеется в виду *и то и другое*. Человеку нужен и простой

хлеб, и хлеб духовный. Не будем это разделять.

Я хотел бы ещё один отрывок прочитать. Евангелие от Иоанна: «Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и даёт жизнь миру». На это сказали Ему: «Господи, подавай нам всегда такой хлеб!». Иисус же сказал: «Я есмь хлеб жизни».

Вот это и есть тот духовный хлеб жизни – хлеб *надсущный*. И он, конечно, в центре, он главный в жизни человека, кто же будет спорить. Но не случайно реакция на эти слова была: «Подавай нам такой хлеб!». Люди поняли, что у них-то его нет. А они все считали себя верующими. И они действительно верили в единого Бога, в Бога Авраамова. А вот хлеба духовного у них не было, и Христа они принять могли с большим трудом. И наша задача – такие же трудности в себе самих преодолеть для того, чтобы суметь принять в себя этот духовный хлеб.

Вопрос:

Как соединить жизнь настоящего христианина с нашими современными реалиями, с жизнью XXI века – искусственным интеллектом, полётами в космос? Я вот что имею в виду: как интегрировать современную жизнь и жизнь настоящего христианина? Пото-

му что пока для меня это две параллельные жизни. И когда мы находимся в обществе христиан, то это одна жизнь, а когда мы возвращаемся в свою реальную жизнь, там возникает сложность.

Где жизнь реальна, где не очень – это отдельный вопрос.

А такая раздвоенность характерна для очень многих современных людей, и почему-то они не могут найти ответы на эти вопросы. Для меня, скажем, здесь никаких проблем нет. Искусственный интеллект, полёты в космос... Но ведь то, что «Гагарин летал в космос и Бога не видел, поэтому Бога нет», – это анекдот даже для детей дошкольного возраста. В чём проблема? Ну да, наша вера нам говорит: «Бог сотворил мир». Но Он сотворил весь мир. Всю вселенную. Не то что тот космос, в котором мы вокруг Земли немножко полетали или чуть-чуть подальше, а весь космос. И даже мультивселенная для нас не проблема.

А искусственный интеллект – это миф, обманка, враньё. Никогда не будет искусственного интеллекта. Об этом много говорят, но лишь морочат людям голову. Нет, конечно, какие-то функции, схожие с интеллектуальными функциями человека, вполне могут быть воспроизведены механически в работе, в какой-то электронной системе, ещё где-

Не только на фреске Леонардо да Винчи, но и в Писании у каждого апостола своё лицо, свой характер

то. Но набор информации – это ещё не интеллект. Человек, который напичкан всякого рода информацией, ещё не интеллектуальный человек. Человеку нужно ещё уметь владеть этой информацией, её правильно толковать, понимать. И вот понимание и взаимопонимание – это то, что никогда не будет смоделировано, как бы людям этого ни хотелось. Хотя могут быть разного рода машины, которые помогают человеку, в том числе со сложными программами.

Если же вернуться к тому, как же всё-таки соединить, интегрировать эти «две жизни», то мне кажется, что нужно просто правильно понимать ту и другую жизнь. Тогда противоречие между ними исчезает. В том мире, который у вас «параллелен» духовной жизни, есть и что-то хорошее, правильное, и что-то нехорошее, неправильное. Это всегда смешение добра и зла, света и тьмы. Но этим смешением и живут многие люди. Да, конечно, это не совмещается и никогда не совместится легко и напрямую с христианской жизнью. Мы никогда не можем утверждать, что Бог творит зло. Во всяком случае, этого не говорит христианство (мы сейчас не будем говорить про Ветхий Завет, там сложнее в этом отношении). Но если Вы хотите совмещать эти «разные жизни» всерьёз, тогда,

на мой взгляд, нужно из своего старого опыта и знаний выбрать вещи качественные, настоящие, добрые, хорошие – пусть по собственному вашему вкусу, даже несовершенному; это не страшно, со временем всё это восполняется. И отказаться от плохого. Тогда противоречий между одним и другим не будет.

Я говорил, что христианство – это не только религиозная сторона жизни. Это и научная её сторона, и эстетическая, и этическая, общественная, историческая, национальная, культурная, индивидуальная, семейная... Все-му этому есть место, но надо это место знать. Его надо чувствовать. Потому что всё, что слишком, уже не хорошо. Так что это некоторая внутренняя работа. Это выбор, это умение различать добро и зло. Помните, в самом начале Библии есть замечательный сюжет о древе познания добра и зла? Не читали ещё? В центре рая было древо жизни, а где-то рядом было ещё одно – древо познания добра и зла. И человек должен был идти прямо к древу жизни, но не дошёл. Ему встретилось некоторое изящное существо, которое сказала сначала Еве, потом через неё Адаму: «Да что ты, съешь плод с древа познания добра и зла, и будешь как Бог, и всё у тебя будет хорошо». Кончилось это весьма плачевно – тем, что человек вверг себя в эту реаль-

ность добра и зла, света и тьмы, в которой он живёт и которая приносит ему и боль, и страдание, и смерть. Поэтому если вы хотите сочетать, объединить эти «две жизни», учитесь различать добро и зло. И отказываться от зла и от греха (грех – это что-то личное, внутреннее, а зло – более общее, более духовное, менее конкретное).

Я немножко проинтерпретирую предыдущий вопрос. Он о компромиссах, о том, как сегодня вести жизнь христианскую – а для себя я её понимаю в первую очередь как жизнь честную. Когда занимаешься бизнесом, приходится так или иначе идти на огромное количество компромиссов. Раньше мне это казалось чем-то естественным. Но с течением времени, с приобретением жизненного опыта я начинаю видеть, что, собственно говоря, происходит. Вот неабстрактный пример: человек покупает в Москве, в любом сетевом магазине пачку сосисок. Если посмотреть изнутри на этот акт, окажется, что покупатель участвует одновременно в трёх обманах. Первый: чтобы эту пачку сосисок продать, маркетологи придумывали, как бы лучше ввести покупателя в заблуждение относительно этой

пачки сосисок с помощью рекламы, с помощью упаковки. Второй – обман технологов, которые должны создать такую рецептуру, чтобы сосиска была похожа на сосиску, но на деле стоила дешевле. А третий обман – когда я прихожу и покупаю эту пачку. Я как бы готов обмануться, и понимая, что меня обманывают, всё равно покупаю, трачу деньги и участвую в этом обмане. Если здесь ставить границу очень жёстко и как бы говорить: «нет, я не буду обманываться», то автоматически выпадаешь из социальной жизни. Значит, приходится всё время находить какой-то компромисс.

Спасибо, Михаил. Чувствуется, что говорит человек, знакомый с делом, и это действительно реальность. Но это современный этап нашей массовой цивилизации. И действительно, всё, что Вы сказали, правда. Конечно, трудно это назвать компромиссом. Всё зависит от меры этих обманов. Если это такой маленький обман, то иногда человек согласен здесь обманываться. Потому что для него не очень важно, чуть больше в его покупке натурального мяса или чуть меньше. Он готов съесть и крахмал, и всё что угодно, что туда положат. А если он хочет хорошего, он пойдёт и купит дорогие сосиски (хотя среди дорогих тоже бывают разные, чего туда только не напихают; иногда и дорогие продукты некачественны). Но это то, к чему люди пришли в результате перехода к массовому сознанию, массовой культуре, массовому производству, массовым отношениям – то есть к некачественным отношениям. Ведь всё массовое уже по определению некачественно. Вы сейчас говорите о том, что реклама не соответствует качеству продукта. Человек, потребляющий этот

продукт, в связи с этим часто переходит границу и наносит себе вред, а никакой пользы не обретает. Можно, конечно, завести натуральное хозяйство, но мало кто на это в наше время способен. Люди живут в массовой культуре, массовом производстве и знают, что это система разных обманов и компромиссов.

Но я бы различал обман и компромисс, вообще говоря. Потому что на обман лучше не идти, но все мы где-то идём на компромиссы, которые считаем для себя приемлемыми. Нет ни одного человека здесь в зале, это я могу вам гарантировать, который не шёл бы на какой-то компромисс. При этом все считают себя честными людьми, обратите на это внимание – и производители, и продавцы, и потребители. И это касается не только экономики или производства. Это касается культуры, это касается отношений между людьми, даже довольно близкими, скажем, супругами. Если мы будем считать, сколько обманов существует в семьях, я боюсь, что даже ваш замечательный пример с сосисками утонет, покажется мелочью. Вот в чём дело.

Человек должен быть честным человеком, это верно, то есть он не должен идти на обман и самообманываться. Но какие-то компромиссы всё-таки наша совесть допускает. И считать, что быть христианином – это значит быть *только* честным человеком, не совсем верно. Честными людьми бывают и люди неверующие, и не христиане, я в этом уверен. Честность – это общечеловеческая ценность. Может быть, она связана с христианством, может быть, с более древними формами отношений с Богом и с людьми, но это ещё не выявляет собственно христианства. Сводя всё к ней, мы как бы не видим

самой главной ценности христианства. Всё-таки самое главное в нём – это приобщение к полноте жизни в свободе и истине, открытости и доверии, это устройство через дарованную людям любовь совершенно нового качества отношений. Я никому ничего не навязываю, но я бы сказал, что нужно уходить от массовой культуры, от массового производства, от массового общества; я считаю, что это надо делать и здесь нужно объединяться. Всем понятно, что никто в отдельности такую задачу не решит. Ну да, должны объединяться и честные люди, или люди милосердные, или люди, верные Богу и своим обетам, обещаниям. Да, должны такие люди быть вместе, тогда они представляют собой силу. Но беда-то в том, и мы уже об этом с вами говорили, что сейчас люди раздроблены и поэтому они не объединяются. Они не настолько доверяют друг другу, чтобы объединиться. Объединение – это очень большая степень доверия, а её, как правило, не хватает даже очень хорошим людям. И если мы хотим выйти из ситуации таких обманов, надо уходить от цивилизации, построенной на массовой культуре, на массовом производстве и так далее. Восстание масс закончилось, надо сказать: всё, хватит! И понять, что это значит.

Если хорошие люди объединятся против массовости, это не будет массовостью? Мы ищем объединения христиан. А как провести границу между единством и массовостью?

Массовость – это безличность. Это безличные отношения, когда всех считают статистическими единицами. Никого не интересует лицо человека, его личные качества. Вот против чего надо бороться. **КФ**

Торжество Православия в XXI веке

Лариса Ясонова. Фото Виолетты Беляевой

В музее новомучеников и исповедников Можайского края

Закончился страшный XX век, ознаменовавшийся невиданными ранее масштабами гонений на церковь: арестами и расстрелами её верующих, в особенности священнослужителей и епископата, кампаниями по изъятию церковных ценностей, массовым закрытием и разрушением храмов. В стране восстановлены и построены тысячи и тысячи храмов, многие из которых во дни Великого поста наполняются множеством молящихся. И всё-таки для верующих XXI века всерьёз встаёт вопрос: в чём сейчас проявляется Торжество Православия?

За поиском ответа мы в день празднования Торжества Православия решили отправиться в славный город Можайск, и Господь с избытком нас благословил встречами с удивительными людьми. Об одной из них мы и хотим рассказать.

Василий Михайлович Голиков, староста Никольского собора, магистр теологии и директор воскресной школы для взрослых при Никольском соборе, провёл нас по музею, созданному им после защиты магистерской работы, посвящённой изучению служения и духовного подвига новомучеников и исповедников Можайского викариатства, пострада-

давших во времена гонений на церковь.

Удивительным нам показался не только музей, но и духовный путь самого Василия Михайловича.

Обратившись в середине 1990-х к Богу, он не стал обычным прихожанином, но решил всю свою жизнь посвятить служению Богу и Церкви. Будучи в то время директором собственного предприятия, он оставил свою доходную светскую работу и пошёл служить начиная с 1995 года алтарником в Никольский собор. К этому времени собор только недавно был передан церкви и находился в очень разрушенном состоянии. В нём только начались службы, а само здание требовало огромных трудов по восстановлению. Василий Михайлович с супругой и ещё несколькими добровольцами взялись разгребать толстый слой векового мусора, скопившегося в соборе за времена запустения.

Служение в храме, а также общение с прихожанами очень скоро привели Василия Михайловича к мысли о необходимости получения серьёзного богословского образования, так как отрывочные знания, черпаемые из имевшейся литературы, не давали целостной картины истории жизни церкви. Плодом его образования явилась не только книга о подвиге

Место проведения занятий воскресной школы для взрослых

Библиотека при Никольском соборе

новомучеников, но и создание при соборе музея, посвящённого их памяти.

Среди новомучеников земли Можайской – два настоятеля Никольского собора: протоиерей Константин Некрасов (1872–1937) и протоиерей Дмитрий Лебедев (1908–1937). Оба расстреляны на Бутовском полигоне под Москвой. Священномученик Константин Некрасов до Октябрьской катастрофы был одним из деятельнейших священников епархии. В Можайске он организовал общество трезвости и постоянно вёл работу по отучению крестьян от пагубной страсти пьянства, а после революции стал активным «тихоновцем», вокруг которого всегда собирались верующие, за что он неоднократно подвергался арестам.

Удивительно дерзновенными звучат на слухи слова ещё одного из новомучеников земли Можайской, сщмч. Иоанна Честнова, настоятеля Вознесенского храма г. Можайска: «...народ достоин той власти, которая послана Богом. Если народ творит беззаконие, то Господь для исправления посылает тяжёлую власть, и до тех пор, пока народ не обратится к Богу, ниспосланная Им власть будет продолжаться долго, а когда народ замолит свои грехи перед Богом, то существующая власть дойдёт до такого положения, когда она сама придёт к Богу

и изменит своё отношение к религии, и тогда народ этот достоин будет новой власти»¹.

Сегодня музей – настоящее место паломничества и миссионерская площадка. Очень много паломников приезжает из Москвы, а местные жители приносят всё новые и новые экспонаты в сам музей. Здесь хранится не только память о новомучениках, но и множество икон, церковных книг, а также разной церковной утвари.

Усилиями Василия Михайловича и его супруги собрано и большое количество литературы церковной библиотеки. Сейчас она насчитывает около 8 тысяч книг как духовной, так и художественной литературы.

Василий Михайлович является ещё и директором воскресной школы для взрослых, а также для певчих церковного хора. Он же ведёт и катехизические занятия для тех, кто желает принять крещение или восполнить своё духовное образование.

Общение с Василием Михайловичем принесло нам большое вдохновение и радость. Когда мы возвращались в Москву, одной из наших сестёр позвонил сын, и она тут же начала рассказывать об увиденном и услышанном в Никольском соборе. «Вот это действительно настоящее торжество Православия!» – ответил сын. **КФ**

¹ Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви: Можайское викариатство / Сост. В.М. Голиков. Можайск, 2015. С. 61.

И всё-таки они люди

Несколько слов о самодеятельном спектакле «Жители вольного города»
(по пьесе Евгения Шварца «Дракон»)

Александра Колымагина

Ступай же мимо, конный,
В том нет твоей вины, / Что нам нужны драконы, /
Которым мы верны...

Одна из проблем зла в том,
что Дракон, пришедший к
приносимой ему в жертву
девушке, может выглядеть
человеком и быть обаятельным

«Лучшие люди города» скандируют,
обращаясь к Ланселоту:
«Убирайся прочь от нас!»

Театр – это не только блеск, веселье и аплодисменты. Это тяжёлый, надрывающий душу труд. И никогда мы не бываем так хороши, как нам хотелось бы.

Театр – это сама жизнь, заключённая в маленький золотой ларчик, и, как жизнь, он часто пугает, часто внушает ужас, но он всегда удивителен.

*Джон Бойнтон Пристли
«Дженни Вильерс», повесть о театре*

Пьесы я всегда больше любила читать. Особенно в последние годы, когда несколько раз нарывалась на слишком надрывные, кричащие постановки. В жизни и так слишком много крика.

И вдруг неожиданно меня втянул в себя небольшой самодеятельный спектакль. Ставили его члены нашего братства по мотивам шварцевского «Дракона», но название было вполне самостоятельным: «Жители вольного города».

Какое-то время я смотрела на происходящее волшебство со стороны, но чем дальше, тем больше оно увлекало меня. Да, удивительным образом из постоянно пропускаемых частью актёрского состава считанных репетиций вдруг возникало глубокое, целостное обращение к зрителям. Да, постепенно теневой театр, музыка, действие и пантомимы сложились в единое целое, где уже почти не видны были никакие «швы». И те, кого я давно знала, чудесно преображались на сцене. Но главное было не в этом.

Спектакль с самого начала задумывался как размышление о событиях прошедшего столетия. И постепенно все мы – и те, кто играл в спектакле, и те, кто, как я, помогал просто переключать тумблеры видео и аудио, и те, кто готовил чай для зрителей, – почувствовали, что каждому из нас что-то открывается.

Ещё в самом начале, перед тем как спектакль впервые увидел свет в летнем лагере, куда мы поеха-

Ланцелот не смог бы победить, если бы в городе не нашлись «очень тихие» люди, готовые ему помочь

Когда подручные Дракона объявляют себя освободителями народа, не может не прозвучать вопрос: так убит ли Дракон?

В заключительной сцене каждому из жителей Вольного города предстоит сделать непростой выбор

ли вместе с детьми, моя четырнадцатилетняя дочь неожиданно задумчиво сказала: «Ты знаешь, о чём эта пьеса? О том, что каждому из нас нужно убить в себе дракона. Нам, детям, конечно, легче, чем вам...»

Потом я сама обнаружила, что звучавшие на репетициях и спектаклях из раза в раз слова приобретают совсем иное звучание. Незадолго до того, как Наталья Голицына и Ульяна Гутнер предложили нам всем поставить «Жителей вольного города», я неожиданно для себя узнала, что автор «Дракона» Евгений Шварц был первопоходником. Вместе с другими участниками Ледяного похода – легендарного начала антибольшевистского сопротивления – он дошёл до Екатеринодара, был тяжело контужен и больше не участвовал в боевых действиях. Это казалось немыслимым, ведь все мы хорошо знали его как сценариста советских фильмов (и «Золушки», и «Марьи-искусницы»), автора издававшихся в то время детских книг – кто ж не помнит «Сказку о потерянном времени»... Как же тщательно он должен был хранить свою тайну! Но именно в её свете (и после долгих размышлений последних нескольких лет, когда мы вспоминали события столетней давности) всё зазвучало по-новому. Когда человек, когда-то сражавшийся рядом с Корниловым, говорит в 1943 году устами архивариуса Шарлеманя о Драконе «он уже четыреста лет живёт у нас», а на вопрос «Неужели никто не пробовал драться с ним?» даёт ответ: «Последние двести лет – нет. До этого с ним часто сражались, но он убивал всех своих противников...», – это почти документалистика.

Со временем случилось и ещё одно открытие: Елена Ткачёва, внучатая племянница одной из тайных монахинь общины при Высоко-Петровском монастыре, стала рассказывать всем, что очень долго не могла понять, в чём ей-то каяться в связи с событиями последнего столетия. И вот, глядя, как бездумно и с облегчением жители Вольного города каждый год отдают дракону одну девушку (только лишь одну, а не тысячи, не десятки, сотни тысяч, не миллионы) она вдруг очень ясно почувствовала

ответ. Никто из нас не может не каяться в своём молчаливом согласии со всем, что происходило...

И чем дальше, тем больше высвечивалось для всех нас то, что стала неизменно повторять, размышляя о постановке, Ульяна. Само название изначально давало понять, что в центре спектакля будет не персонализированное зло, не мужественное и рыцарственное добро, а молчаливая (или подающая по команде реплики и раздражающаяся послушными аплодисментами) толпа искалеченных душ. В одной из центральных сцен Дракон хвастливо демонстрирует их Ланцелоту – и происходит удивительный спор между силами тьмы и силами света:

«Дракон. Мои люди очень страшные. Таких больше нигде не найдешь. Моя работа. Я их кроил.

Ланцелот. И всё-таки они люди.

Дракон. Это снаружи.

Ланцелот. Нет.

Дракон. Если бы ты увидел их души – ох, задрожал бы.

Ланцелот. Нет».

И сражение, которое последует за этой сценой, – прежде всего не *против* сил зла, а *за* эти несчастные, искалеченные, но иногда робко тянущиеся к свету души.

Именно поэтому Ланцелот, победивший в бою Дракона, сам не становится драконом. (Нельзя не сказать, что при обсуждении спектакля многие зрители вспоминали именно такую, искажённую интерпретацию пьесы, связанную с фильмом Марка Захарова, оказавшегося, увы, неспособным преодолеть советское видение происходящего и сделать шаг по вертикали.)

Убедившись, что хотим говорить зрителям прежде всего обо всём этом, мы поняли, что наш домашний, казалось бы, любительский спектакль необходимо продолжать показывать всем, кто готов будет к нам прийти. Ведь в его последних словах звучат ведущие к исцелению и помогающие каждому из нас убить в себе дракона слова любви – той любви, которая способна воскрешать. **КФ**

Гонимы, но не оставлены: Ташкентская и Среднеазиатская епархия, 1943–1961

**Монография выпускника СФИ, историка церкви,
члена Преображенского братства Ольги Борисовой**

Книга рассказывает об уникальном явлении в Русской Православной Церкви XX века – церковной жизни Ташкентской и Среднеазиатской епархии в 1943–1961 гг. В этот период на фоне притеснений со стороны властей, переросших впоследствии в открытые гонения, в Ташкентской епархии происходил расцвет церковной жизни. Эта книга – свидетельство о жизни и служении подвижников и исповедников веры, как представителей духовенства, так и мирян, членов православных общин и братств, в первую очередь общины свв. Алексия и Сергия Мечёвых, Александро-Невского братства, монашеских общин.

В монографии впервые опубликованы уникальные архивные документы и фотоматериалы из государственных и частных архивов Узбекистана, Киргизии и России, а также записанные автором воспоминания и свидетельства участников церковной жизни Ташкентской епархии тех лет.

Книга адресована как специалистам, так и всем интересующимся историей Церкви XX века.

*Имеет гриф Издательского Совета
Русской Православной Церкви*

*Книгу можно купить в киоске СФИ:
Москва, ул. Покровка, д. 29*

*и в интернет-магазине «Предание»:
predanie.org*

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ПРЕДАНИЕ

Предание – это то, что соединяет нас и друг с другом, и с теми, кто старше. То, что соединяет нас через минувшие века, как святых разных эпох на этой сербской фреске. Это дух, соединяющий всех нас с Главою Церкви и позволяющий противостоять «вратам адовым» что бы ни случилось – ведь по словам Алексея Степановича Хомякова, «не лица и не множество лиц в Церкви хранят предание и пишут, но Дух Божий, живущий в совокупности церковной». Поэтому в дни, когда мы будем вспоминать рождение Церкви, мы неизбежно будем думать и говорить и о Предании, стремясь увидеть и понять разницу между ним и «преданиями человеческими».